

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Красноярский государственный педагогический университет

им. В.П. Астафьева»

(КГПУ им. В.П. Астафьева)

филологический факультет

Выпускающая кафедра современного русского языка и методики

Савина Дарья Валерьевна

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Тема: **«Изобразительно-выразительные средства в романе Е.Г.
Водолазкина «Авиатор»»**

Направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование

Магистерская программа Русский язык и литература в поликультурной среде

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ:

Заведующий кафедрой
канд. филол. наук, доцент Бебриш Н.Н.

(дата, подпись)

Руководитель магистерской программы
докт. филол. наук, профессор Осетрова Е.В.

(дата, подпись)

Научный руководитель
канд. филол. наук, доцент Замыслова В.Н.

(дата, подпись)

Обучающийся
Савина Д.В.

(дата, подпись)

Красноярск 2021

Реферат

Реферируемая выпускная квалификационная работа содержит 95 страниц. Диссертация состоит из введения, двух глав (включающих 7 разделов), заключения, списка использованных источников и Приложения.

Объект исследования – язык и стиль романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор».

Цель диссертационного исследования – изучить особенности функционирования изобразительно-выразительных средств, использованных Е.Г. Водолазкинским в романе «Авиатор».

Методы исследования: описательный, сопоставительный, метод контекстного анализа и интерпретации, метод лингвистического наблюдения, метод сплошной выборки.

Научная новизна заключается в том, что впервые предпринята попытка провести комплексный анализ изобразительно-выразительных средств романа «Авиатор» с последующим использованием материала для занятий РКИ.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы на занятиях РКИ в вузе. Более того, полученные выводы могут служить основой для более глубокого исследования конкретных аспектов романа «Авиатор», выявления интертекстуальных связей, а также сопоставления романа «Авиатор» с другими произведениями Е.Г. Водолазкина.

Полученные результаты:

- Посредством анализа текста романа «Авиатор» были выявлены основные тематические направления произведения: тема религии и её соотношение с наукой, тема одиночества, тема справедливости, возмездия и раскаяния. Изучение биографии Водолазкина позволило сделать вывод о том, что перечисленные темы являются сквозными во всем творчестве писателя.

- Последующий анализ текста позволил выделить изобразительно-выразительные средства, использованные автором. Фонетический уровень выражен минимально и представлен в большинстве примеров не собственно фонетическими средствами, а словами с семантикой звука.
- Лексический уровень представлен широко и разнообразно: автор использует сравнения, эпитеты, метафоры, олицетворения, оксюмороны и т.д. Эти средства служат для повышения общего уровня образности романа и используются автором равномерно по всему тексту.
- Синтаксические средства используются автором постоянно и при этом важны для полного понимания образа персонажей, особенностей эпох и раскрытия основных сюжетных линий романа. Наиболее частотным средством является парцелляция.
- Текст романа «Авиатор» хорошо подходит для использования в качестве учебного материала для занятий по чтению, направленных на иностранных студентов с владением русским языком на уровне В1-В2.

Апробация. Материалы исследования были апробированы на выступлениях с докладами в рамках научных конференций:

1. X научно-практическая конференция, посвященная Дню славянской письменности и культуры в рамках XXII Международного научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века» с докладом «Синтаксические средства выразительности в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор», г. Красноярск, 2021 г. (находится в печати)
2. II Международная научно-практическая конференция «Динамические процессы в языке и языковой картине мира» с докладом «Память языка в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор», г. Красноярск, 2020.

Были опубликованы следующие научные статьи:

1. Савина Д.В. Память языка в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Динамические процессы в языке и языковой картине мира: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 30 октября 2020 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. С.П. Васильева; ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2021. – С. 55-59
2. Савина Д.В. Проблемы межкультурной коммуникации на примере рассказов Е.Г. Водолазкина из сборника «Дом и остров, или инструмент языка» // Молодежь и наука XXI века. Актуальные проблемы современной филологии: материалы X Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников. Красноярск, 20 апреля 2020 г. [Электронное издание] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020 – с. 90-93

Report

The refereed final qualifying work contains 95 pages. The thesis consists of an introduction, 2 chapters (including 7 sections), a conclusion, a list of bibliographic sources and an appendix.

The object of research is the language and style of the novel “Aviator” by E.G. Vodolazkin. **The purpose** is to study the features of the functioning of the visual and expressive means used by E.G. Vodolazkin in the novel "Aviator".

Research methods: descriptive, contextual analysis and interpretation method, linguistic observation method, continuous sampling method.

The scientific novelty lies in the fact that for the first time an attempt was made to carry out a comprehensive analysis of the figurative and expressive means of the novel "Aviator" with the subsequent use of material for the lessons of Russian as foreign.

Practically significant dissertation research is that its results can be used in the lessons of Russian as foreign at the university. Moreover, conclusions can be used

for a deeper study of the problem of the novel "Aviator", intertextual connections, as well as comparison of the novel "Aviator" with other works of E.G. Vodolazkin.

Results:

- Through the analysis of the text of the novel "Aviator", the main thematic areas of the works were identified: the theme of religion and its relationship with science, the theme of loneliness, the theme of justice, retribution and repentance. The study of the biography of Vodolazkin concludes that the listed topics are current in the entire work of the writer.
- Subsequent analysis of the text made it possible to highlight the pictorial and expressive means used by the author. The phonetic level is expressed minimally and is presented in most examples not by phonetic means proper, but by words with the semantics of sound.
- The lexical level is represented widely and variedly: the author uses comparison, epithets, metaphors, impersonations, oxymorons, etc. These tools are used to increase the general level of imagery of the novel and are used by the author evenly throughout the text.
- Syntactic tools are used constantly and at the same time are important for a complete understanding of the lifestyle, eras and disclosure of the main plot lines of the novel. The most common means is parceling.
- The text of the novel "Aviator" is well suited for use as teaching material for reading classes aimed at foreign students with the Russian language proficiency at the B1-B2 level.

Approbation. The research materials were tested at presentations with reports at scientific conferences:

1. X scientific and practical conference dedicated to the Day of Slavic Written Language and Culture in the framework of the XXII International Scientific and Practical Forum of Students, Postgraduates and Young Scientists "Youth and Science of the XXI Century" with the report "Syntactic Means of Expression in the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkin, Moscow. Krasnoyarsk, 2021 (in press)

2. II International scientific-practical conference "Dynamic processes in the language and the linguistic picture of the world" with the report "Memory of language in the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkin, Moscow. Krasnoyarsk, 2020.

The following scientific articles have been published:

1. Savina D.V. Memory of language in the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkina // Dynamic processes in language and language picture of the world: Proceedings of the II-nd All-Russian Scientific-Practical Conference, Krasnoyarsk, October 30, 2020. [Electronic edition] / Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev. Krasnoyarsk, 2021. – p. 55-59

2. Savina D.V. Problems of intercultural communication on the example of stories by E.G. Vodolazkina from the collection "House and Island, or the Instrument of Language" // Youth and Science of the XXI century. Actual problems of modern philology: materials of the 10th International scientific-practical conference of students, graduate students and schoolchildren. Krasnoyarsk, April 20, 2020. [Electronic edition] / Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev. Krasnoyarsk, 2020. – p. 90-93

Содержание

Введение.....	3-7
Глава 1 Теоретические основы влияния изобразительно-выразительных средств на языковое сознание иностранцев	
1.1. Роль национального языка в поликультурной среде страны.....	8-18
1.2. Изобразительно-выразительные средства в художественной литературе.....	19-32
1.3. Влияние изобразительно-выразительных средств на понимание произведения иностранцами.....	33-43
Глава 2 Анализ изобразительно-выразительных средств в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор»	
2.1. Жанровая принадлежность художественных произведений Е.Г. Водолазкина, их стилевые особенности.....	45-50
2.2. Тематическое своеобразие романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор».....	51-62
2.3. Классификация и интерпретация изобразительно-выразительных средств в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор».....	63-75
2.4. Методические разработки по использованию текстов романа «Авиатор» в преподавании РКИ.....	76-83
Заключение.....	85-87
Список использованных источников	
Приложение А	

Введение

Литературный процесс претерпевает изменения и развивается непрерывно. В связи с этим особый интерес представляют произведения, написанные в 21 веке. В настоящее время проза Е.Г. Водолазкина является объектом исследования многих литературоведов и лингвистов. Тексты Водолазкина раскрывают проблемы соотношения прошлого и настоящего, значимости истории в жизни человека. Известно, что такие глубокие вопросы волновали человечество с древних времён, однако отношение к истории и философии в разное время было разным. Водолазкин в своей прозе демонстрирует собственное понимание истории, религии и вечных моральных дилемм.

Изучение изобразительно-выразительных средств в произведении «Авиатор» позволит понять, каково отношение Е.Г. Водолазкина, как представителя современной русской литературы, к образности художественного произведения и привносит ли он новое понимание в уже существующие понятия. «Авиатор» представляет собой дневниковые записи Иннокентия Платонова, поэтому особый интерес представляет средства художественной выразительности, которые раскрывают образ персонажа.

Важно понимать, что многие исследователи изучали роман «Авиатор». Ими описывается особая образность романа, филигранное переплетение прошлого и настоящего, правдоподобное описание событий первой половины 20 века. Например, Янина Викторовна Солдаткина отмечает, что «Не акцентируя специально, Водолазкин выстраивает повествование как своего рода ответ на советские утопические идеологемы и их антиутопические вариации в произведениях Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, А.П. Платонова» [Солдаткина, 2016].

Изучение изобразительно-выразительных средств, которые использует автор, важно не только по причине полного понимания и интерпретации художественного текста, оно позволяет также раскрыть образ автора и обеспечить понимание его собственного видения мира. В целом,

антропоцентрический подход к изучению художественных произведений является в современной науке одной из главных тенденций.

Изучением изобразительно-выразительного потенциала русского языка занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты, филологи и литературоведы. Вопросами функционирования языковых единиц в художественно-литературной речи занимались В.В. Виноградов, Г. О. Лотман, Д.Н. Шмелев, К.Э. Штайн и т.д.; изучением экспрессивности и оценочности – М.М. Бахтин, Е.М. Галкина-Федорук, Б.А. Ларин, Н.Я. Лукьянова и т.д.; особенности языковой картины и создания портрета языковой личности волновали Ю.Н. Караулова, А.А. Леонтьева, П.И. Богина, А.А. Бурова и т.д. В России изучением изобразительно-выразительных средств в целом занимались Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, Г.О. Винокур, В.М. Жирмунский и другие, а за границей – Ш. Балли, Ж. Марузо, К. Фосслер, С. Ульман, М. Риффаатер и другие.

Актуальность исследования заключается в высокой степени образности и недостаточной изученности изобразительно-выразительного потенциала романа «Авиатор». Проза Водолазкина в настоящее время востребована не только в России, но и в других странах мира. Например, в 2018 году в г. Краков прошла конференция, посвящённая творчеству Евгения Германовича, в которой приняли участие 91 исследователь из 19 стран мира. В 2017 году роман «Авиатор» вошёл в топ-10 книг, изданных в Румынии. В связи с популярностью за границей, а также большой лингвострановедческой значимостью текст романа может быть использован как средство обучения РКИ.

Цель диссертационного исследования – изучить особенности функционирования изобразительно-выразительных средств, использованных Е.Г. Водолазкинским в романе «Авиатор».

Для реализации цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Определить понятие «национального языка» и его роли в поликультурной среде страны.

2. Изучить научные исследования, посвящённые теории изобразительно-выразительных средств и их влияния на восприятие художественного текста иностранцами.
3. Систематизировать информацию об адаптации художественного текста для занятий РКИ.
4. Проанализировать роман «Авиатор» и выявить изобразительно-выразительные средства.
5. Классифицировать и интерпретировать использованные автором изобразительно-выразительные средства и показать их влияние на понимание основной мысли романа.
6. Разработать план-конспект занятия РКИ с использованием текста романа.

Объект исследования – язык и стиль романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор»

Предмет исследования – фонетические, лексические и синтаксические средства выразительности в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор».

Научная новизна заключается в том, что впервые предпринята попытка провести комплексный анализ изобразительно-выразительных средств романа «Авиатор» с последующим использованием материала для занятий РКИ.

Методы исследования: описательный, сопоставительный, метод контекстного анализа и интерпретации, метод лингвистического наблюдения, метод сплошной выборки.

Материалом исследования послужил роман Е.Г. Водолазкина «Авиатор».

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы на занятиях РКИ в вузе. Более того, полученные выводы могут служить основой для более глубокого исследования конкретных аспектов романа «Авиатор», выявления интертекстуальных связей, а также сопоставления романа «Авиатор» с другими произведениями Е.Г. Водолазкина.

В диссертационном исследовании мы опирались на **научные работы** Р.И. Аванесова, В.В. Виноградова, И.Р. Гальперина, Н.М. Шанского, А.А.

Потебни, Д.Э. Розенталя, Ю.М. Лотмана. Ценность для исследования составили работы А.Н. Васильевой, Л.С. Журавлевой, О.Н. Лёвушкиной, посвящённые использованию текстов художественной литературы в качестве учебного материала на занятиях РКИ, а также их уместной адаптации.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и Приложения. Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, формулируется цель и задачи проводимого исследования, выбираются методы исследования, указывается научная новизна и практическая значимость работы. В главе «Теоретические основы влияния изобразительно-выразительных средств на языковое сознание иностранцев» анализируется национальный состав Российской Федерации, определяется понятие «Национальный язык», выбирается классификация изобразительно-выразительных средств, систематизируется методическая литература по использованию художественной литературы на занятиях РКИ. В главе «Анализ изобразительно-выразительных средств в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» приводится лингвистический анализ текста романа с целью выявления использованных автором изобразительно-выразительных средств, даётся интерпретация выявленных средств, изучается их влияние на раскрытие образов персонажей романа, разрабатываются фрагменты занятий РКИ на основе текстов романа. В Заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, раскрываются перспективы дальнейшего изучения темы. Приложение представляет собой тексты романа «Авиатор», использованные для разработки фрагментов занятий РКИ.

Апробация. Материалы исследования были апробированы на выступлениях с докладами в рамках научных конференций:

1. X научно-практическая конференция, посвященная Дню славянской письменности и культуры в рамках XXII Международного научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века» с докладом «Синтаксические средства выразительности в

романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор», г. Красноярск, 2021 г. (*находится в печати*)

2. II Международная научно-практическая конференция «Динамические процессы в языке и языковой картине мира» с докладом «Память языка в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор», г. Красноярск, 2020.

Были опубликованы следующие научные статьи:

1. Савина Д.В. Память языка в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Динамические процессы в языке и языковой картине мира: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 30 октября 2020 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. С.П. Васильева; ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2021. – С. 55-59

2. Савина Д.В. Проблемы межкультурной коммуникации на примере рассказов Е.Г. Водолазкина из сборника «Дом и остров, или инструмент языка» // Актуальные проблемы современной филологии: материалы X Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников. Красноярск, 20 апреля 2020 г. / отв. ред. Т.А. Полуэктова; ред. кол.; – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2020. – с. 90-93

Глава 1 Теоретические основы влияния изобразительно-выразительных средств на языковое сознание иностранцев

1.1. Роль национального языка в поликультурной среде страны

Национальный язык – это широкое понятие, которое охватывает разные разделы лингвистической науки. Так, значения термина «национальный язык» можно рассмотреть как в социолингвистике, так и в языкознании. Согласно словарю лингвистических терминов, национальный язык как социолингвистический термин имеет два значения.

Во-первых, язык этнической общности людей, стоящий в одном ряду с понятием «родовой диалект». Национальный язык может существовать в двух формах – устной и письменной и представлять совокупность всех форм существования данного языка: кодифицированных (литературный язык) и некодифицированных (различные территориальные диалекты, жаргоны и другие). В этом случае национальный язык отличается от языка народности следующими чертами:

1. Наличие литературной формы существования;
2. Нормированность;
3. Стандартизация.

В этом значении национальный язык соотносится с понятием «нация» следующим образом:

1. Нация имеет единый язык;
2. Нация имеет два национальных языка (например, у мордвы два национальных языка: эрзя и мокша);
3. Наличие одного языка у целого ряда наций (например, английский является национальным языком в США, Англии, Австралии и Новой Зеландии).

Во-вторых, национальный язык в социолингвистике – это этнический язык одного из народов, проживающих на территории РФ (кроме русского языка). Другими словами, родной язык народов, населяющих Российскую Федерацию.

В контексте изучения изобразительно-выразительных средств большее значение имеет трактовка понятия «национальный язык» в языкознании. Так, национальный язык в языкознании – это язык, который образовался в период развития наций. Он предполагает обязательное наличие литературно-письменной формы, которая приближена к общей народно-разговорной речи, вследствие чего получившая повсеместное распространение. Существует три пути образования национальных языков: 1) развитие уже готового материала; 2) концентрация диалектов; 3) «скрещивание» диалектов и языков [Жеребило, 2010].

Каждый национальный язык вне зависимости от особенностей его появления и формирования в широком значении будет пониматься, как «разноаспектная система, обеспечивающая коммуникацию во всех сферах общественной жизни данной нации» [Серебренников, 1970]. Национальный язык имеет существенные различия стилистического характера. По-разному строится диалогическая и монологическая речь, речь обиходно-бытовая и официальная, речь, обращённая к одному лицу и ко многим и т.д. [Аванесов, 1984]. При этом структура национального языка сложна и включает в себя большое количество подсистем, а именно его социальные, территориальные и функциональные варианты. Однако чаще всего, в языкознании противопоставляются две большие подсистемы национального языка: язык литературный и язык разговорный. Эти понятия, в свою очередь, также подразделяются на группы. Литературный язык подразделяются на функциональные стили, а разговорный – на просторечия и диалекты.

Литературный язык – это исторически сложившаяся обработанная форма существования языка народности или национального языка. Литературный язык как высшая форма языка характеризуется богатством словарного состава, упорядоченностью грамматического строя, развитой системой стилей, строгим соблюдением орфографических и пунктуационных правил. Его существенным признаком является письменная фиксация, однако литературный язык, помимо языка письменности, является также языком

государственных и общественных учреждений, школы и театра, радио и телевидения [Жеребило, 2010].

М.А. Горький говорил о литературном языке так: «Язык создаётся народом, деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем «сырой» язык и язык, обработанный мастерами» [Горький, 1953].

Справедливым можно считать утверждение, что литературный язык – высшая форма национального языка. От других форм национального языка (различных диалектов, арго и просторечий) литературный язык отличает нормативность и обработанность.

Нормативность, или нормированность выражается в том, что употребление любого языкового средства регулируется единой общеобязательной нормой. Норма – это принятые среди большинства говорящих на русском языке, сознательно поддерживаемые образованными людьми и предписываемые грамматиками и словарями образцовые модели и способы употребления языковых единиц всех уровней. Таким образом, норма – это необходимое условие не только сохранения стабильности языка, но и успешной реализации основной – коммуникативной – функции языка и на всей территории России от Балтийского моря до Тихого океана, и на планете в целом. Любая грамматика современного русского литературного языка, любой его словарь есть не что иное, как фиксация, хранилище языковых норм [Райская, 2009]. При отсутствии единой языковой нормы в стране могла бы сложиться ситуация, при которой люди, проживающие на разных концах Российской Федерации, перестали понимать друг друга.

Обработанность литературного языка появляется как следствие процесса целенаправленного отбора лучших, образцовых языковых средств. Отбор подходящих языковых средств происходит с двух направлений. С одной стороны, людьми, которые используют литературный язык как средство ежедневного общения, а с другой, лингвистами и филологами, которые занимаются изучением языка профессионально и научно.

Важно понимать, что понятие «литературный язык» не тождественно понятию «язык русской художественной литературы». Язык художественной литературы куда более широк и может включать в себя как литературный язык, так и диалектные составляющие [Шанский, 1987].

Русский литературный язык имеет две формы существования: устную и письменную. Устная форма является главенствующей для разговорного литературного языка, а письменная – для книжного. Однако между ними могут быть пересечения. Например, ответ на семинаре будет считаться книжным литературным языком, выраженным в устной форме.

Литературный язык, являясь высшей формой существования национального языка, выступает главным средством, которое удовлетворяет коммуникативные потребности населения. В этом смысле он противопоставляется диалектам, просторечиям и разным видам жаргонов.

Литературный язык обладает рядом лингвистических свойств. Примером лингвистического подхода к пониманию литературного языка может стать следующая цитата: «Если в одной из синхронных разновидностей языка данного народа преодолевается нефункциональное многообразие единиц (оно меньше, чем в других разновидностях), то эта разновидность служит литературным языком по отношению к другим» [Виноградов, 1966].

Вернёмся к лингвистическим свойствам литературного языка:

1. Информированность. Согласно этому свойство, литературная норма будет результатом как языковой традиции, так и целенаправленной кодификации, которая имеет отражение в научных трудах и словарях;
2. Последовательная функциональная дифференцированность средств, что объясняется тенденцией к функциональному разграничению вариантов;
3. Полифункциональность. Литературный язык может использоваться для коммуникации представителями любой сферы деятельности.
4. Коммуникативная целесообразность. Понятие связано с делением литературного языка на функциональные стили.

5. Стабильность и консерватизм. Аксиома, что литературная норма отстаёт от живого языка. Преимущества этого свойства в том, что литературный язык остаётся средством общения представителей разных поколений.

Помимо лингвистического подхода существует социальный, согласно которому литературный есть совокупность его носителей. Если придерживаться этим принципам, то литературным будет признан язык, отвечающий следующим факторам:

- Является родным для носителей;
- Носители имеют высшее или среднее образование;
- Носители относятся к числу городского населения страны [Крысин, 2004].

Однако такой подход можно назвать несколько ограниченным, поскольку он затрагивает только образованную городскую часть населения страны.

Второй формой существования национального языка являются просторечия и диалекты. Чаще всего, диалекты являют собой комплекс говоров, которые объединяются по признаку языковых сходств. Территориальные диалекты обладают собственными лингвистическими особенностями. Их можно наблюдать на всех уровнях языка: от фонетического до синтаксического. Важнейшим отличительным признаком диалектов является то, что они могут существовать исключительно в устной форме.

Диалекты вошли в строй языка во времена феодальной раздробленности в Древней Руси. Позже, с приходом капитализма и с появлением национального языка разнообразие диалектов уменьшилось, но это не привело к их полному исчезновению. Диалекты приблизились к полной ликвидации в XX веке во времена распространения СМИ, телевидения и интернета. Однако и в современном мире они сохраняются, а их изучение имеет сильное влияние на лингвистическую науку:

- Во-первых, они сохраняют архаические черты, которые не могут быть выражены литературным языком;
- Во-вторых, помогают восстановить и осознать историю становления и формирования литературного языка: на основании какого диалекта сложился литературный язык, черты каких диалектов он включает. Также предметом изучения является взаимное влияние диалектов и литературного языка друг на друга [Ярцева, 1998].

Помимо территориальных диалектов существуют ещё и социальные. Социальный диалект – это язык общности людей, которая появилась по признаку профессии, рода занятий, интересов и социального положения. Разнообразие социальных диалектов велико, поэтому в науке их принято называть понятиями «жаргон» и «арго».

Жаргон – речь какой-либо социальной или профессиональной группы, отличающаяся особым составом слов и выражений, иногда специфическим произношением. Например, студенческий жаргон: стипендия – стипуха, стёпка; зачёт или экзамен, выставленный на основе текущей успеваемости и посещаемости – автомат, мех [Жеребило, 2010].

Жаргон используется моряками, электронщиками, компьютерщиками, спортсменами, актерами и так далее. Характерной чертой жаргона является наличие специфической лексики и фразеологии.

Жаргонная лексика включает в себя изменённые фонетически, сокращённые или заимствованные из других языков слова. Например, *забить стрелку – назначить встречу, точить – есть, чувак – молодой человек и др.*

Бывают случаи, когда жаргонные слова и словосочетания становятся широко распространёнными и используются для того, чтобы сделать речь более выразительной и экспрессивной. Например, *бабки, тусовка, беспредел и др.*

Зачастую жаргонные выражения и слова становятся настолько широкоупотребительными, что перестают восприниматься как жаргонные и

становятся разговорными или нейтральными. Например, *шпаргалка, рокер, сникерсы и др.*

Рассмотрим понятие «арго». В узком смысле аргó обозначает воровской язык, на котором разговаривает узкая группа людей – заключенные. В широком смысле аргó – диалект определённой общественной группы, создаваемый с целью языкового обособления; отличается от нормы узкопрофессиональной или своеобразно освоенной общеупотребительной лексикой.

Демократизация языка в конце XX века привела к тому, что в состав просторечной, разговорной, стилистически сниженной лексики широко хлынули арготические слова. Это может происходить двумя способами: 1) путем прямого заимствования: *стучать – доносить*; 2) путём семантических трансформаций: *беспредел, тусоваться, разборка*. Семантическая экспансия социального ограниченной лексики в общеупотребительную речь обусловлена разгерметизацией корпоративного общения [Жеребило, 2010].

Главная цель аргó – сделать так, чтобы речь звучала непонятно для людей, которые им не владеют. Чаще всего, в этом заинтересованы низшие слои населения (мошенники, воры и т.д.).

Другой составляющей национального языка являются просторечия. Просторечие – набор языковых форм, которые нарушают нормы литературного языка. Просторечия, являясь формой выражения национального языка, не имеют чёткой системной структуры. Более того, люди, употребляющие в речи просторечия, делают это неосознанно и не понимают, что нарушают некоторые нормы литературного языка. Например, фонетические просторечия – *колидор, резетка, друшлаг*; морфологические просторечия – *мой мозоль, на пляжу, без пальта*; лексические просторечия – *подстамент* вместо *постамент*, *полуклиника* вместо *поликлиника*. Наряду с диалектами просторечия могут выражаться исключительно в устной форме.

68 статья Конституции гласит, что:

1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации.

3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития [Конституция].

В современной России сложилась такая ситуация, что для многих наций и этносов, представляющих национальный состав страны, русский язык заменяет родной. Однако многие из них являются билингвами, имеющими одинаковый уровень владения как русским языком, так и национальным языком своего этноса или нации.

По результатам переписи населения 2010 г. можно сделать вывод, что, несмотря на преобладающее русское население (111 млн человек, 80,9% общей численности населения страны), национальные меньшинства остаются значительной частью населения Российской Федерации. Второе место по численности населения страны занимают татары, а на третьем месте идут украинцы. Численность этих народов, как и белорусов, удмуртов, чувашей, мордвы, азербайджанцев, казахов и кабардинцев незначительно уменьшилась в период с 2002 по 2010 год, что, однако, не исключает факта билингвизма большинства из представителей этих национальностей. Увеличивалась численность кумыков, даргинцев, лезгин, аварцев, якутов, ингушей, чеченцев, армян, бурятов, тувинцев, калмыков и осетин. Значительный прирост произошёл среди киргизов, узбеков и таджиков [Росстат]. Это можно связать со значительным процессом миграции и притоком иностранных граждан, которые приезжают в Россию в поисках работы.

Таким образом, многонациональный состав страны не может не ставить проблему владения мигрантами и национальными меньшинствами русским языком как государственным языком страны. Более того, тенденция к миграции населения стран Ближнего Зарубежья позволяет предположить, что с 2010 года процент нерусского населения возрос.

Логично предположить, что многонациональный состав приводит и к разнообразию языков. Согласно переписи населения 2010 года, самыми распространёнными языками в России являются следующие:

- Русский язык (им владеет 137494893 человека);
- Английский язык (7 миллионов человек);
- Татарский (более 4 миллионов человек);
- Немецкий (около 2 миллионов человек);
- Чеченский (1,3 миллиона человек);
- Башкирский (1,152 миллиона человек);
- Украинский (1,129 миллиона человек);
- Чувашский (более миллиона человек);
- Аварский (715 тысяч человек);
- Армянский (660 тысяч человек);
- Французский (616 тысяч человек);
- Кабардино-черкесский (более 500 тысяч человек);
- Даргинский (485 тысяч человек);
- Азербайджанский (473 тысяч человек);
- Осетинский (451 тысяча человек) [Росстат].

Среди перечисленных языков есть изучаемые носителями русского языка (английский, немецкий, французский), то есть вторые и третьи языки населения. Однако большинство распространённых в России языков являются национальными языками для национальных меньшинств. На основании статистики можно сделать вывод, что граждане Российской Федерации, относящиеся к числу этнического меньшинства, могут

испытывать трудности при социализации в стране. И незнание или невладение на должном уровне государственным языком явно сокращает шансы мигрантов и других представителей национальных меньшинств страны на полноценную интеграцию и самовыражение и существенно может повлиять на их трудоустройство [Мартынова, 2004].

Многонациональный состав государства способствует созданию стратегии и внедрению языковой политики. Российскими учёными термин «языковая политика» трактуется по-разному. В целом исследованием этой проблемы занимались многие отечественные социолингвисты, которые внесли огромный вклад в развитие этого направления (А.Д. Швейцер, В.А. Аврорин, Е.Б. Гришаева, В.Т. Клоков, В.Ю. Михальченко, Л.Б. Никольский и др.) [Шхумишхова, 2014]. Чаще всего можно встретить такое определение: «Языковая политика – это деятельность государства, социальной или профессиональной группы, а иногда и отдельной личности, направленная на изменение или же сохранение существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, на введение новых или сохранения прежних лингвистических норм» [Швейцер, 1978].

Российская языковая политика имеет богатую историю, ознаменованную как положительным опытом регулирования языковых процессов в обществе, так и негативными результатами неумелого вмешательства в процессы функционирования языка. Расцвет языковой политики в истории российской государственности приходится на первую половину XX в., когда была проведена колоссальная работа по созданию алфавитов и письменности для бесписьменных языков народов СССР и в то же время уделялось огромное внимание ликвидации безграмотности и распространению русского языка как языка межнационального общения, образования и государственного делопроизводства на территории СССР.

Анализ научных исследований показал, что, по мнению ученых, основными задачами, которые призвана решать языковая политика Российской Федерации, сегодня являются: 1) сохранение и поддержание

балансного состояния языковой ситуации: обеспечение равных условий функционирования и развития языков народов России, с одной стороны, а с другой – повсеместное и полноценное функционирование русского языка как государственного на всей территории Российской Федерации; 2) повышение общей грамотности населения и уровня владения русским языком как в центральной России, так и в национальных республиках Российской Федерации; 3) регулирование миграционных потоков, обеспечение безопасности иностранных граждан в России, пребывающих в стране длительное время, путем обязательного требования владения русским языком на определенном уровне для осуществления бесконфликтной конструктивной коммуникации в трудовой деятельности и в основных сферах жизни; 4) реализация геополитических интересов государства: расширение зоны влияния, поддержание русскоязычной диаспоры за рубежом. Проблема сохранения и поддержания балансного состояния языковой ситуации является одной из основных в языковой политике России. Федеративный характер государства, а также исторически сложившаяся многонациональная мозаика российского общества требуют реализации двух разнонаправленных, но не противоречащих друг другу векторов: во что бы то ни стало сохранить свой родной (хоть и малый, а зачастую и вымирающий) язык, и соответственно, свою «малую» этнокультурную идентичность, а с другой стороны, влиться в общий поток существующих реалий и быть полноправным и полноценным участником широкой коммуникации в рамках как своего многонационального государства, так и мирового сообщества [Петрулевич, Месропян, 2015].

Можно сделать вывод, что в современной России действительно присутствуют представители многих национальностей, для многих из которых русский язык не является национальным. Политика государства выстроена таким образом, чтобы сделать жизнь мигрантов и этнических меньшинств комфортной: с одной стороны, они должны изучать русский

язык для полноценного функционирования в обществе, с другой, могут продолжать использовать родной язык.

1.2. Изобразительно-выразительные средства в художественной литературе

Лингвистика, как и методика преподавания языков, подробно изучает изобразительно-выразительные средства языка как средство создания коммуникативно значимого и при этом яркого высказывания. Обобщая опыт учёных, занимавшихся изучением изобразительно-выразительных средств, можно сделать вывод, что их составляют тропы и стилистические фигуры. Важно отметить, что до сих пор не существует единой классификации изобразительно-выразительных средств, и это порождает изыскания современных учёных-филологов и лингвистов.

Изучение образной составляющей текстов художественной литературы всегда было предметом изучения мирового научного сообщества. В России изучением изобразительно-выразительных средств занимались А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, М.М. Бахтин, Г.О. Винокур, В.М. Жирмунский и другие, а за границей – Ш. Балли, Ж. Марузо, К. Фосслер, С. Ульман, М. Риффаатер и другие.

В ходе систематизации исследований разных филологов и лингвистов были выделены следующие основные тезисы:

1. Каждое художественное произведение написано языком, который качественно отличается от языка, используемого для других функциональных стилей речи. Язык художественной литературы – «это образный язык, располагающий исторически выработанной системой средств словесно-художественной выразительности, благодаря своеобразию образного применения речевых средств» [Жирмунский, 1992].
2. Особое значение имеет определение художественного текста, данное Н.М. Шанским. Он называет художественный текст «явлением словесного

искусства, которое составляет единство обобщённо-понятийного и чувственно-образного содержания, являясь по сути определённой образной системой, которая выступает как результат сотворчества писателя и читателя в создании словесно-эстетического мира» [Талызина, 1975]. При этом язык художественного произведения справедливо можно назвать формой. Эта форма воздействует как на идейно-эстетическое содержание, так и на эмоциональную сферу читателя, что позволяет считать её языковым содержанием художественного текста.

3. Фундаментом каждого художественного текста является художественный образ. Так, А.М. Пешковский предложил понятие общей образности. Оно заключается в том, что все языковые единицы художественного произведения введены в текст исключительно для выражения художественного образа. При этом продуцируется отдельная реальность, названная А. Герценом эстетической реальностью, а В.Г. Белинским – художественным миром [Григорьев, 1973]

Изобразительно-выразительные средства изучались во все времена. Так, И.В. Пекарская называет риторику и теорию эффективной коммуникации «гениальным подарком Античности человечеству» [Пекарская, 2014].

Популярность риторики в последние годы связана с необходимостью научить людей общаться. Главная задача современности – научить человека самостоятельно думать. В традиционной риторике всегда присутствовал раздел элокуцио – украшение. Сама риторика – это искусство красиво говорить. Украшение речи способствует большей выразительности, эмоциональности текста, тем самым усиливается воздействие на реципиента [Шигина, 2005].

Изучение риторики развивалось, вследствие чего была создана теория фигур, что сослужило ей «антитезную» службу. Очевидно, именно поэтому системной классификации тропов и фигур (семантических и грамматических) в те далёкие времена подарено миру не было. Но был

обозначен некий перечень изобразительно-выразительных средств, которые человечество до настоящего времени пытается системно описать [Пекарская, 2017].

Под изобразительно-выразительные средства будем понимать средства усиления изобразительности и выразительности всех языковых уровней, которые указывают, как отмечает И. В. Арнольд, на «коннотативную дополнительную информацию» [Арнольд, 2002:127].

Языковеды их делят на две группы: тропы и фигуры речи. Тропы чаще всего используют авторы художественных произведений при описании природы, облика героев. Эти изобразительно-выразительные средства носят авторский характер, определяют самобытность писателя или поэта, помогают ему обрести индивидуальность стиля. Фигуры оживляют речь писателя, придают ей эмоциональность и образность, наполняют текст жизнью и передают соответствующее настроение читателю, вызывают в нём эмоции и чувства [Бернацкая, 2001].

Три современные классификации были предложены Дж. Личем, И.Р. Гальпериным и Ю. М. Скребневым. Дж. Лич в своей теории рассматривал выразительные средства с точки зрения отступления от общепринятой языковой нормы. Анализу были подвергнуты парадигматические и синтагматические отклонения. Таким образом, к парадигматическим отклонениям были отнесены архаизмы, диалектизмы, поэтические слова и др., а к синтагматическим отклонениям – инверсия, эллиптические предложения и др. Однако данная классификация имеет противников, ввиду невозможности подвести большинство выразительных средств под данные понятия [Leech, 2007]. Ю.М. Скребнев составил другую классификацию, построив четкую иерархию и выделив фонетический, лексический, синтаксический, семасиологический и семантический уровни. В итоге получается следующая система:

Парадигматическая стилистика < фонетика, морфология, лексикология, синтаксис, семасиология > синтагматическая стилистика [Скребнев,

2000:123]. Однако данная классификация не лишена сложности в своей структуре. Согласно классификации И.Р. Гальперина, все выразительные средства разделяются на лексические, фонетические, синтаксические и стилистические [Гальперин, 1958]. К фонетическим средствам относятся:

Ассонанс – повторение в художественном тексте одинаковых или похожих гласных. Цель его использования – создание звукового образа.

Например,

Полоснуло Васкова по сердцу от вздоха этого. Ах, заморыш ты воробыный, по силам ли горе на горбу-то у тебя? Матюкнуться бы сейчас в полную возможность, покрыть бы войну эту в двадцать девять накатов с переборами. Да заодно и майора того, что девчат в погоню отрядил, прополоскать бы в щелоке. (Васильев). В данном случае автор часто использует звук «о».

Аллитерация – повторение в художественном тексте согласных звуков. Целью использования также является создание звукового образа.

Например,

В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат. (Булгаков). Повторение звука «р» позволяет автору создать атмосферу резкости, тревоги и напряжения.

Звукоподражание – передача слуховых впечатлений словами, которые подобны природным явлениям или животным.

Например,

Как носят капли вести о езде,

И всю-то ночь всё цокают да едут,

Стуча подковой об одном гвозде

То тут, то там, то в тот подъезд, то в этот. (Пастернак)

Основу лексических средств выразительности составляют тропы, то есть языковые единицы, употребление которых предполагает переносное

значение. Их использование позволяет автору создать образные представления о событиях, явлениях, предметах обстановки, людях и т.д. Потебня определял тропы так: «Троп есть выражение, перенесенное для красоты речи с его первичного естественного значения на другое, или, как чаще всего определяют грамматисты, выражение, перенесенное с места, где оно является подлинным, на место, где оно является неподлинным» [Потебня, 1990:96]. Таким образом, назначением тропов является продуцирование образности и эмоциональности, а также выражение авторской позиции и его отношения к тому или иному образу в произведении. Характеристики и особенности тропов можно выделить в следующие положения: 1) троп – это употребление слова в переносном значении для характеристики каких-либо явлений при помощи вторичных смысловых оттенков; 2) троп – двухчастное сочетание слова с прямым и переносным значением; 3) троп обладает основными функциями: познавательной, индивидуализирующей (субъективно-оценочной) и эстетической; 4) соотнесение прямого и переносного значения слова основывается на сходстве, контрасте или смежности, исходя из чего возникают различные виды тропов: эпитеты, сравнения, олицетворения, метафоры и т. д. [Голуб, Розенталь, 2013:57].

Выражения «черствая душа», «линия понимания вещей», «столица мгновенно-премгновенно прервала свои занятия», «не слышно русского гражданина» «и меч и гром пушек не в силах занимать мир» «мир в дороге, а не у пристани, не на ночлеге, не на временной станции или отдыхе» содержат тропы. Читая эти выражения, читатель понимает, что «черствая душа» означает, во-первых, человека с душой, а не только душу, во-вторых, черствым бывает хлеб, поэтому черствая душа – это душа, которая, подобно черствому, лишилась способности чувствовать и сопереживать другим людям; что выражение «столица мгновенно прервала свои занятия» означает не сам город, а жителей города, которые ничего не рвали, а решительно прекратили свои занятия, подобно тому, как разрывают веревку; что

выражение «не слышно русского гражданина» означает, что ни один из многочисленных русских граждан не высказывается в письменной или устной форме, и потому, очевидно, отсутствует, либо вовсе не осталось людей, которые вели бы себя

достойным гражданина образом, и т.д. Каждое из этих слов: «черствый», «линия», «столица», «не слышно», «меч», «гром пушек», «мир», «в дороге» замещает другое слово и потому используется в несобственном, переносном значении [Береговская, 2003].

К лексическим средствам (тропам) относятся:

Сравнение – сопоставление двух событий, явлений, персонажей для раскрытия одного посредством второго на основании каких-либо признаков. Сравнение используется автором как инструмент выражения собственной авторской позицией и средство создания художественных образов. Чаще всего, сравнение сопровождается союзами (как, словно, будто, точно).

Например,

Здесь каждая деревня так любя,

Как будто в ней красоты всей вселенной. (А. Я. Яшин)

Сравнением также будут называться и ряд предложений, которые связаны между собой семантически и грамматически. Такие сравнения можно разделить на две группы:

1) Развёрнутое сравнение, когда последующие предложения конкретизируют первое.

Например,

Звезды вышли на небо. Тысячами любопытных глаз они устремились к земле, тысячами светлячков зажгли ночь.

2) Развёрнутый параллелизм, при котором вторая часть будет начинаться со слова *так*.

Например,

"Как над горячею золой

Дымится свиток и сгорает

*И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает –
Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!.. (Тютчев)*

Гипербола – образное выражение, которое преувеличивает действие, характеристику, предмет, явление.

Например,

Во сне дворник сделался тяжелым, как комод (Ильф и Петров)

Литота – образное выражение, которое, напротив, преуменьшает действие, характеристику, предмет, явление.

Например,

Прелестный шниц, не более наперстка! (Грибоедов)

Индивидуально-авторские неологизмы (окказионализмы) – языковые единицы, придуманные самим автором с целью создания определённого художественного эффекта.

Например, вагоноуважаемый глубокоуважатель (Маршак)

Антонимы – слова одной части речи с противоположным значением. Их использование позволяет сделать высказывание более экспрессивным и эмоциональным. Существуют контекстные антонимы, такие языковые единицы имеют противоположное значение только в определённом контексте.

Например,

Я глупая, а ты умен,

Живой, а я остолбенелая (Цветаева)

Синонимы – языковые единицы одной части речи, которые схожи по значению, однако отличаются некоторыми оттенками значений. Существуют контекстные синонимы, стилистические синонимы (одно и то же значение,

но разный стиль), синтаксические синонимы (такие синтаксические конструкции, которые имеют разное строение, но одно значение).

Например,

Раскрывает голубые звездочки своих цветов цикорий, расправляет свои широкие лепестки шиповник, вспыхивают яркие огоньки маков.

Метафора – скрытое сравнение, основой которой является сходство между далёкими явлениями и предметами. Используется для придания речи выразительности, для демонстрации внутреннего мира героев, а также авторской позиции. В метафоре автор создает образ – художественное представление о предметах, явлениях, которые он описывает, а читатель понимает, на каком именно сходстве основана смысловая связь между переносным и прямым значением слова.

Например, багровый костёр заката (Бунин);

И взгляда острого пчела (Хлебников);

Отцепись, сомненья клещ (Маяковский).

Развернутая метафора – развернутое перенесение свойств одного предмета, явления или аспекта бытия на другой по принципу сходства или контрасту. Метафора отличается особой экспрессивностью. Обладая неограниченными возможностями в сближении самых разных предметов или явлений, метафора позволяет по-новому осмыслить предмет, вскрыть, обнажить его внутреннюю природу. Иногда является выражением индивидуально-авторского видения мира.

Аллегория – переносное значение, которое является основой целого произведения. Классическим примером использования аллегории являются басни Крылова или «Скотный двор» Оруэлла.

Такие тропы, как эпитет, олицетворение, оксюморон, антитеза многими учёными рассматриваются как разновидности метафоры.

Эпитет – троп, который выделяет в определённом предмете, явлении, событии, персонаже конкретные свойства, качества или признаки. Эпитету придают тексту образность, подчеркивают определённое свойство предмета,

явления, события и т.д. Чаще всего, эпитетами являются прилагательные, однако ими будет являться любое слово, которое характеризует понятие. Используя эпитет, автор выделяет те свойства и признаки изображаемого им явления, на которые он хочет обратить внимание читателя. С помощью эпитета автор конкретизирует явления или их свойства.

Например,

*Я вспомнил свою любовь былую, любовь души двенадцативесенней
(Северянин);*

*Льстивые ивы и травы поклонные, вольнолюбивого юношу — славьте
(Цветаева).*

Оксюморон – сочетание контрастных по значению слов, которые создают новое понятие или представление. Логически две языковые единицы не могут сочетаться и более того, исключают друг друга, однако автор для придания тексту образности и выражения собственной позиции сочетает несочетаемое. *Например, живой труп (Толстой), грустная радость (Есенин).*

Олицетворение – перенос признака с живого предмета на неживой. Часто олицетворения представляют собой приписывание неодушевлённым предметам действия, которые допустимы лишь людям.

Например,

О чем ты воешь, ветер ночной,

О чем так сетуешь безумно? (Ф.И.Тютчев).

Олицетворения могут быть как заключены в рамки одного предложения, так и быть развёрнутыми.

Метонимия – перенос значения по смежности явлений. Смежность может выражаться в разных аспектах.

Например,

«Белинского и Гоголя с базара понесет» (Н.А. Некрасов). В данном случае слова Белинского и Гоголя означает не самих писателей, а их произведения.

Синекдоха – троп, посредством которого цело выражается через его часть.

Например,

Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда всё засыпает, и человек, и зверь, и птица (Гоголь). Человек, зверь и птица упоминаются в единственном числе, обозначая всё живое.

Оценочная лексика – прямая оценка автором явления, предмета, персонажа.

Например,

Пушкин – это чудо.

Перифраз(а) – вместо конкретной языковой единицы используется описательная конструкция. Перифраз помогает избежать повтора и придать речи выразительности. М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта», посвященном гибели Пушкина на дуэли, ни разу не называет имени покойного. Вместо этого Лермонтов пишет «*невольник чести*», «*дивный гений*», «*торжественный венок*».

Аллюзия – отсылка к реальному литературному, историческому, политическому факту, который всем известен.

Например, знаменитая реплика Чацкого в монологе «А судьбы кто?» — из «Горе от ума» Грибоедова: И мир Отечества нам сладок и приятен... На самом деле, эта фраза принадлежит Державину:

*Мила нам добра весть о нашей стороне
Отечества и дым нам сладок и приятен.*

К синтаксическим средствам выразительности относят следующие:

Авторская пунктуация – такая постановка знаков препинания, которая обусловлена не правилами русского языка, а желанием автора сконцентрировать внимание на определённом предмете, явлении, человеке. Авторская пунктуация всегда несёт добавочный смысл. Наиболее распространённым авторским знаком считается тире.

Например,

«Я ничего не слышал», — сказал Вельчанинов и — побледнел. (Достоевский)

Анафора (единоначатие) – это повторение языковых единиц в начале предложения. Анафора чаще всего используется для усиления высказанной мысли.

Например,

Это - круто налившийся свист,

Это - щелканье сдавленных льдинок,

Это - ночь, леденящая лист,

Это - двух соловьев поединок (Пастернак)

Эпифора – одинаковая концовка нескольких предложений, усиливающая значение этого образа, понятия, явления, персонажа и т.д.

Например,

Мне бы хотелось знать, отчего я титулярный советник? Почему именно титулярный советник? (Гоголь)

Антитеза – резкое противопоставление понятий, характеров, образов, которое создает эффект резкого контраста. Антитеза помогает автору донести до читателя противоречия или внутреннюю борьбу персонажа.

Например,

Они сошлись: волна и камень,

Стихи и проза, лед и пламень

Не столь различны меж собой (Пушкин)

Риторические восклицания, которые заключают в себе особую экспрессию, усиливая напряжённость речи. Часто они сочетаются с риторическими вопросами.

Например,

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,

Как русский, - сильно, пламенно и нежно! (Лермонтов)

Риторический вопрос – стилистическая фигура, которая характеризуется яркостью и разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков. Могут содержать утверждение (или отрицание), оформленное в виде вопроса, не

требующего ответа. Отличаются яркой восклицательной интонацией, выражающей изумление, крайнее напряжение чувств [Корольков].

Например,

А судьи кто? (Грибоедов)

Риторическое обращение – условное обращение к предметам и явлениям, которое используется для привлечения внимания к предмету речи слушателей и читателей. Чаще всего риторическое обращение выражается именительным падежом существительного или заменяющей его части речи [Корольков, 1974].

Например,

Мечты, мечты! где ваша сладость? (Пушкин)

Градация – такое расположение слов, (словосочетаний, частей сложного предложения), при котором каждое последующее усиливает (реже ослабляет) значение предыдущего, благодаря чему создаётся нарастание интонации и эмоционального напряжения речи [Крысько, 2006]. Градация бывает восходящей (когда синонимический ряд идет в порядке усиления признака) и нисходящей (когда синонимический ряд идёт в порядке ослабления признака).

Например,

«В заботе сладостно-туманной не час, не день, не год уйдет...»

(Баратынский)

Инверсия – обратный порядок слов в предложении. Данное средство используется автором, чтобы придать оттенок эмоциональности и взволнованности.

Например,

И к мудрому старцу подъехал Олег (Пушкин)

Композиционный стык – это повторение в начале нового предложения слова или слов из предыдущего предложения, обычно заканчивающих его.

Например,

На заре зорька запела. Запела и чудом соединила в песне своей все шорохи, шелесты... (Сладков).

Многосоюзи́е – выразительная стилистическая фигура, которая используется для интонационного и логического подчёркивания выделяемых предметов. Как правило, повторяются сочинительные, соединительные союзы и, ни [Розенталь, 2008].

Например,

Хоть не являла книга эта

Ни сладких вымыслов поэта,

Ни мудрых истин, ни картин... (Пушкин)

Бессоюзи́е – стилистический приём, который предполагает полное отсутствие союзов, что делает высказывание более ёмким и ритмичным.

Например,

Швед, русский – колет, рубит, режет.

Бой барабанный, клики, скрежет,

Гром пушек, топот, ржанье, стон,

И смерть и ад со всех сторон (Пушкин)

Парцелля́ция – приём, суть которого заключается в намеренном расчленении предложения на несколько частей и оформлении этих частей как самостоятельных неполных предложений [Корольков, 1974].

Например,

-Я? Вам? Дал телефон? Что за ерунда! — не понимая, сказал Никитин

(Бондарев)

Синтаксический параллелизм – одинаковое построение нескольких рядом расположенных предложений. Используется, чтобы подчеркнуть высказанную мысль.

Например,

Алмаз шлифуется алмазом,

Строка шлифуется строкой.

А. Недогонов

Именительный представления (темы) называет тему последующей фразы и вызывает особый интерес к предмету высказывания, усиливает его звучание, как правило, стоит на первом месте [Корольков, 1974].

Например,

Ах, Франция! Нет в мире лучше края! (Грибоедов)

Односоставные, неполные предложения делают авторскую речь более выразительной, эмоциональной, усиливают эмоциональный пафос текста.

Например,

Джоконда. Лепет людской. Шепот. Шорох платьев. Тихие шаги... Ни одного мазка, – слышу я слова. – Нет мазков. Как живая.

Для создания выразительности художественной речи писатели пользуются, в первую очередь, множеством изобразительно-выразительных средств, которые могут строиться из языковых единиц, относящихся к различным социальным, стилевым и функциональным пластам национального языка. Среди изобразительно-выразительных средств на первый план выступают тропы как наиболее употребительные средства создания выразительности текста. Однако количество тропов в том или ином тексте не является показателем его художественности, но характер употребленных тропов, их частотность у конкретного писателя является одной из основ для изучения художественного мышления автора, так как это составляет особенности его поэтики и стиля. Также не стоит забывать, что образность художественной речи зависит не только от того, какие слова выбрал автор, но и от того, как он сочетал их в предложении и других синтаксических конструкциях (синтаксические фигуры) [Первухина, 2015].

Очевидно, что разнообразие изобразительно-выразительных средств велико. Они оказывают влияние на текст и его восприятие читателями. Средства выразительности могут быть скрыты, однако их не может не быть в художественном тексте. Для полноценного осознания и восприятия художественного текста необходимо уметь идентифицировать и интерпретировать средства выразительности, использованные автором.

1.3. Влияние изобразительно-выразительных средств на понимание произведения иностранцами

Художественный текст перманентно воздействует на коммуникативное поведение представителей русского лингвокультурного сообщества. Помимо прочего, однако, художественный текст важен при овладении русским языком носителями другого языка. Во-первых, тексты художественного стиля могут являться средством обучения русскому языку как иностранному, во-вторых, он может выступать критерием владения языком (насколько обучающийся умеет читать, понимать и интерпретировать художественный текст), в-третьих, являться целью изучения языка, поскольку для многих иностранных обучающихся стимулом к освоению русского языка становится желание читать литературные произведения на языке оригинала [Гудков, 1997].

Современная методика преподавания русского языка как иностранного следует тенденции выработки у обучающихся навыков не только классического чтения художественного текста, но чтения лингвострановедческого.

Лингвострановедческое чтение – это чтение с установкой на познание чужой страны, её прошлого и настоящего, образа жизни, достижений экономики, науки и культуры, традиций народа. В лингвострановедческом плане особую ценность имеют произведения художественной литературы [Яковлева, 1998].

Вся культурная информация, присутствующая в художественном тексте, может быть обозначена следующим образом: культура, описываемая языком, т.е. представление метафактов в содержании текста (традиции, обычаи, обряды, бытовая культура в языке, т.е. особая языковая картина мира (безэквивалентная лексика, афоризмы, фразеологизмы, знаки экспрессивно-образной номинации, ономастическая лексика, реляционные единицы фонетико-интонационного, деривационного, морфологического и синтаксического уровней), концептуальный уровень [Кузнецова, 2007].

В целом, обучение инофонов навыкам эффективной коммуникации и созданию уместного текста, является одной из целей РКИ. Прежде всего, стоит отметить, что «Текст – это средство обучения, критерий владения речью. Текст воспринимается как источник информации и передатчик информации» [Адигезалова, 2013]. Он формирует не только владение коммуникативной компетенцией, но и помогает обучающимся-инофонам раскрывать и реализовывать потенциальные образовательные возможности и личностные качества [Стурикова, 2015].

Любой текст является набором специфических сигналов [Маслова, 2007], в связи с чем выступает стимулом возникновения ассоциаций читателя. Этот факт приводит к выводу, что необходимо учитывать и особенности рецепиента (читателя), так как специфика его сознания задана не только личным опытом, но и особенностями национальной культуры, что определяет выбор интерпретации текста [Бобкова, 2009].

Таким образом, тексты, которые следует использовать при работе с инофонами, должны содержать сведения, которые будут, во-первых, доступны для понимания, а, во-вторых, важны для жизненного опыта адресата. В учебном процессе работа с текстом представляется одним из основных компонентов, поскольку предоставляет обучающимся возможность опытным путем открыть для себя закономерности употребления языковых единиц разных уровней в речи, получить знания о текстообразующей функции языковых единиц в результате практической деятельности, которая может носить как творческий, так и исследовательский характер.

Важно отметить, что работа с текстом, помимо способности к восприятию и созданию текстов, развивает также языковое чутье, которое служит средством повышения мотивации. Жинкин Н.И. отмечал, что при работе с текстом обучающиеся не только подражают образцам, но и участвуют в процессе «самонаучения» [Жинкин, 1982]. А это, в свою очередь, в обязательном порядке приводит к формированию языковой личности,

обладающей индивидуально-авторским стилем, личности, способной выразить своим мысли, чувства в слове...» [Пахнова, 2000].

Комплексная работа с текстами художественной литературы выступает эффективным средством реализации межуровневых (внутрипредметных), а также метапредметных связей. Обучающийся в процессе работы рассматривает следующие вопросы:

- текст как база усвоения лингвистических понятий;
- текст как конкретное проявление речевой деятельности, речевого общения;
- текст как единица, которая интегрирует значение всех языковых единиц;
- текст как категория, показывающая «язык в действии»;
- взаимосвязь в изучении слова и текста;
- формирование лингвистической, языковой коммуникативной компетенции студентов в процессе работы с текстом;
- развитие творческих, исследовательских способностей иностранных обучающихся при анализе текста [Евтушенко, 2015].

Согласно определению Ю.М. Лотмана, художественный текст – это определённая модель мира, некоторое сообщение на языке искусства, обладающее свойством превращаться в моделирующие системы [Лотман, 1998]. Художественный текст формируется образом автора. Именно его точка зрения на определённый объект отражается в художественном произведении [Гинзбург, 2016:567]. Авторская позиция заключается в его личном восприятии мира и оценке окружающей действительности.

Любому художественному тексту присуща эстетическая функция. Именно она делает его специфичным, сосуществуя с основной функцией – коммуникативной. Эстетическая функция языка художественного произведения раскрывается в его подчиненности идейно-художественному замыслу писателя; ей подчинены, ею определяются те многочисленные конкретные функции, которыми обладают языковые элементы в художественном произведении. Эстетическая функция «требует работы над словом с целью как можно более точного, ясного и общедоступного

выражения информации; эстетическая функция языка требует работы над словом с целью открыть читателю и слушателю прекрасное в самом слове» [Москвин, 2004]

Современная художественная литература определяется той эстетической функцией, которая присуща ей наряду с общей и основной функцией языка – коммуникативной. Эстетическая функция языка художественного произведения раскрывается в его подчиненности идейно-художественному замыслу писателя; ей подчинены, ею определяются те конкретные функции, которыми обладают языковые элементы в художественном произведении. С целью усиления эмоционального воздействия, привлечения внимания читателя и слушателя к высказыванию, а также придания речи яркости, художественный стиль языка использует средства речевой выразительности, наряду со стилистическими приемами языка.

В современной науке заметна тенденция к отказу от поиска единственно правильного смысла текста. Текст рассматривается как задающий веер возможностей своей интерпретации, он предстает как обладающий принципиальной множественностью, заключающей в себе несколько разных смыслов [Гудков, 1997]. В тексте нетрудно обнаружить (...) борьбу разных голосов, противоречивых идеологий, множественных источников, разнонаправленных интенций, разрывающих единство текстуальной ткани [Гаспаров, 1996].

Самые большие затруднения в изучении литературных произведений связаны с образностью художественного языка, т. е. со способностью языковых единиц приобретать новые смыслы, с их понятийной неисчерпаемостью, возникающей в результате ассоциативных связей. Процессы смыслообразования, безграничные в рамках данной культуры, могут оказаться непреодолимым препятствием для читателя-инофона. Носителем языка произведение литературы воспринимается во всем многообразии его связей с жизнью, с культурой страны, в которой он

формировался как личность. Важную роль в этом процессе играет национальный компонент языкового сознания, объединяющий автора и читателя. Иностранному читателю значительно труднее уловить эти связи: из-за неформленности языкового сознания, характерного для членов российского культурного сообщества, значительная часть информации, заложенной в тексте, утрачивается. Между тем художественный текст обладает гораздо большей информативностью, чем нехудожественный, что обусловлено особым свойством языковых единиц приобретать новые значения в контексте литературного произведения. Образность характерна для всех единиц языкового выражения художественного текста, который как эстетически закодированный миф о реальности предполагает многовариантное и многослойное прочтение. Поэтому действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном значении. Как известно, слово, представляющее определенный язык и, следовательно, конкретную национальную культуру, имеет специфические ассоциативно-образные возможности и разнообразные семантические нюансы. Это позволяет употребить его в определенном контексте иначе, чем в обычных, нейтральных формах. Своеобразие национального видения мира часто выражается в том, что оно наделяет объекты вымышленными свойствами: ассоциативное представление о предмете не всегда соответствует действительности. В образной, художественной номинации может быть отражена не реальная действительность, а некое представление о ней. Таким образом, в лексической семантике художественного произведения закрепляется не совсем действительность, а отражение реальности, возможная модель мира в сознании человека конкретной национальной культуры. Двойственная природа художественного текста, множественность его смыслов приводят при изучении инокультурного произведения к конфликту интерпретаций, связанному с различием ментальности, или картин мира автора и читателя. Эти же факторы вызывают культурный шок, последствием которого нередко становится интерференция.

Впервые этот термин в отечественном литературоведении использовал Г. Гачев. Согласно ученому, интерференция при восприятии художественного произведения – столкновение разных национальных образов мира и языков. Изучение этого явления, по справедливому замечанию ученого, дает обширный материал для понимания национального склада мышления и эстетических представлений разных народов [Гачев, 1988]. Выявление факторов конфликта культур и эстетической интерференции может оказать, на наш взгляд, значительную помощь в правильном подходе к изучению художественного текста. Художественный мир автора, его образно-индивидуальное видение реальности интерпретируются часто в соответствии с этическими и эстетическими представлениями читателя-инофона. Известно, что в каждой национальной культуре представления о сущности трагического, возвышенного, комического и т.д. имеют свою специфику. Работа над преодолением интерферирующих влияний родного языка и национальных художественных традиций будет продуктивной только в том случае, если преподаватель РКИ научится учитывать опыт культуры и исторической жизни народа, к которому принадлежит иностранный студент. С другой стороны, освоение сложной системы смыслов, заключенных в текстах художественных произведений, невозможно без понимания учащимися важнейших духовных ценностей носителей русского языка, главных кодов их словесного искусства. Адекватное восприятие художественного произведения студентами-иностранцами не представляется возможным не только без знаний в области языка, но также без сведений о культуре, истории и национальном менталитете россиян. Таким образом, взаимный интерес и взаимное изучение контактирующих культур – единственно верный подход к процессу изучения художественного текста на занятиях по РКИ [Джанхотова, 2016].

Сегодня в методической литературе прослеживается две диаметрально противоположные точки зрения на проблему адаптации художественных текстов, которые напрямую зависят от целей обучения и методики работы с

текстом. Н.В. Кулибина уже на этапе подготовки к работе с художественным текстом предлагает определиться с тем, что необходимо изучать: язык или литературу. В качестве основного — определяющего всю методическую систему — всегда выступает что-то одно: таким образом, методика работы над художественным текстом на языковом учебном занятии может быть либо лингвоцентричной, либо литературоцентричной. Это обстоятельство и отражает двойственную природу самого художественного текста как языковой единицы, в которой реализуются единицы всех других уровней — лексического, грамматического, синтаксического и др.; и как произведения искусства, артефакта, текста культуры и т.п. Сторонники литературоцентричной методики работы с художественным текстом ставят под сомнение целесообразность его адаптации, поскольку она убивает неповторимое своеобразие авторской манеры изложения и обедняет содержание, в результате чего снижает эстетическую и коммуникативную ценность произведения, поскольку художественный текст перестает быть коммуникативной единицей и произведением искусства. Однако неадаптированные тексты оказываются слишком трудными для учащихся, а кропотливая работа, направленная на преодоление различного рода языковых, коммуникативных и культурологических трудностей, приводит скорее не к пониманию внутреннего смысла художественного текста, а к осознанию тщетности потраченных сил и времени. Крайне диаметрально противоположные позиции по отношению к адаптации занимают некоторые приверженцы лингвоцентричного подхода к художественному тексту, рекомендуя использовать их адаптированные варианты буквально на всех этапах обучения, что приводит, естественно, к необходимости сильно упрощать текст, если речь идет о начальном этапе обучения. Тем самым методисты и преподаватели стремятся обеспечить учебно-языковую работу в рамках, заданных программой и учебным планом накопления языкового материала и развития умений и навыков речевого владения ими, с одной стороны. А с другой стороны, они знакомят учащихся с оригинальной русской

литературой, повышая мотивацию учащихся к обучению [Рачковская, 2015]. По мнению А.Н. Васильевой, они совершают сразу два преступления — эстетическое и страноведческое, фальсифицируя величайшие достижения русской национальной художественной культуры [Васильева, 1972:10]. По словам Л.С. Журавлевой и М.Д. Зиновьевой, «учебный художественный текст представляет собой методически обработанный оригинал литературного произведения, соотнесенный с языковой и коммуникативной компетенцией учащихся» [Журавлева, 1988:33].

Лингвокультурологическая интерпретация основывается на рассмотрении художественного текста как феномена языка, речи и культуры, отражающего ментальность носителей языка и их национальную языковую картину мира, и предполагает выявление специфической информации — знаний, представлений, фактов, понятий, реалий, речевых формул, относящихся к конкретной культуре. Поэтому при лингвокультурологической интерпретации художественный текст понимается как «хранилище» информации, содержащее сведения о культуре народа, его быте и нравах [Костин, 2017].

Неискушенным читателем инокультурный текст воспринимается как загадочный, зашифрованный, и найти его код нелегко. Для иностранца помехой в восприятии может быть также сложное соотношение точек зрения автора и героев, повышенная экспрессия, нарушение логической упорядоченности [Толстухина, 2007].

Лингвокультурологическая интерпретация текста рассматривается как вторичная коммуникативная деятельность и предполагает в качестве обязательных такие этапы, как:

Прогнозирующий этап:

– предугадывание содержания текста при первичном восприятии заголовка и эпиграфа.

Этап восприятия:

– чтение текста;

- осмысление прочитанного текста;
- эмоциональный отклик на текст.

Аналитический этап:

- анализ смысловой структуры текста;
- семантический анализ (работа с ключевыми словами текста);
- этнопсихолингвистический анализ;
- ассоциативный анализ;
- культурологический анализ (выявление культурных смыслов, заложенных в образных средствах текста).

Этап рефлексии, оценки:

- формулирование учащимися собственного представления о смыслах текста и о внетекстовой действительности.

Этап продуктивной деятельности:

- продуцирование текста, раскрывающего лингвокультурологический потенциал художественного произведения.

Прогнозирующий этап используется в том случае, если у текста есть заголовок и эпиграф. На этом этапе иностранные учащиеся, опираясь на заголовок и эпиграф, высказывают предположения о связи содержания текста с его языковым выражением и об обусловленных авторским замыслом фрагментах действительности, нашедших отражение в художественном тексте, а также выстраивают ассоциативные связи текста с внетекстовой действительностью.

На этапе восприятия иностранные учащиеся читают текст, формулируют его тему, идею и описывают свое эмоциональное восприятие при первичном знакомстве с ним. На аналитическом этапе используются разные виды анализа художественного текста для выявления его смысла и получения сведений о фактах культуры. Анализ смысловой структуры предполагает деление художественного текста на композиционные части с целью постижения его смысла. Смысловая структура текста анализируется с учетом наличия объективного смысла, обусловленного фактуальной

информацией, и субъективных смыслов, порожденных субъективным восприятием. Семантический анализ основывается на работе с ключевыми словами, которые служат пониманию текста и являются средством его интерпретации. Ключевые слова рассматриваются как источник сведений о культуре. Их анализ позволяет обнаружить связь содержания текста с его языковым воплощением, помогает понять культурную значимость текста и увидеть его детерминированность действительностью.

Этнопсихолингвистический анализ текста предполагает выявление иностранными учащимися этнокультурной обусловленности мировосприятия героев, их поведения и речи.

Ассоциативный анализ текста – это рассмотрение ассоциативных связей ключевых слов для постижения его смысла и выявления фоновых знаний. Культурологический анализ текста направлен на выявление культурных смыслов, заложенных в его образных средствах. Именно этот вид анализа позволяет переосмыслить ключевые слова как образы или символы. В ходе анализа выявляются национально-культурные составляющие значений слов, комментируются культурные смыслы использованных в тексте фразеологизмов и символов. Каждый вид анализа на аналитическом этапе обеспечивает все более глубокое погружение иностранных учащихся в содержание текста, многообразие его смыслов и позволяет делать выводы о его лингвокультурологическом потенциале. Синтез полученной на аналитическом этапе информации создает базу для осознания текста как единицы языка, речи и культуры и обеспечивает объективность его интерпретации.

На этапе рефлексии, оценки иностранные учащиеся формулируют собственное представление о лингвокультурологическом потенциале рассматриваемого текста, продолжают приобщаться к русской системе ценностей. При этом у них складывается определенное впечатление о содержании прочитанного текста.

На этапе продуктивной деятельности иностранные учащиеся пишут сочинение-рассуждение, в котором раскрывается лингвокультурологический потенциал художественного текста. Интерпретация текста отличается от его устного или письменного изложения тем, что содержит не пересказ, а индивидуальное толкование его смыслов. Интерпретация является ключевым этапом творческой деятельности иностранных учащихся на основе текста и представляет собой сложный процесс. Иностранные учащиеся, интерпретируя чужой текст, должны сначала обратиться к мысли, заключенной в тексте, понять авторский замысел, а затем выразить, сформулировать собственную мысль на основе авторской [Костин, 2017].

Известно, что сложность художественных текстов, заключающаяся среди прочего в сложности словесных образов, нередко отталкивает учащихся от чтения русской литературы. Поэтому на занятиях по русскому языку как иностранному целесообразно знакомить их с разнообразными стратегиями, необходимыми для успешного восприятия художественных текстов [Ерёмина, 2020].

Таким образом, для эффективного восприятия текста иностранными обучающимися необходимо адаптировать текст, однако при этом важно соблюсти баланс: адаптация текста не должна уменьшать образность художественного текста и искажать авторскую идею.

Выводы по 1 главе

Понятие национального языка важно при разговоре о поликультурной среде страны, поскольку он является основным средством коммуникации во всех областях общественной деятельности страны. В понятие национального языка входят литературный и разговорные языки, диалекты и арготизмы. Литературный язык при этом является высшей формой существования национального языка, что особенно важно при исследовании изобразительно-выразительных средств.

Национальный состав Российской Федерации достаточно широк, чтобы вопрос языковой политики представлял интерес. В нашей стране тенденции показывают стремление государства создать комфортные условия для проживания иностранных граждан: они должны изучать государственный язык России – русский, однако могут при этом пользоваться родным языком.

Важно понимать специфику языка художественной литературы, он является фундаментом каждого художественного произведения и создаёт художественный образ. Выразительный потенциал русского языка очень велик, что способствует использованию в художественной литературе большого числа изобразительно-выразительных средств на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Используемые автором средства выразительности оказывают влияние как на читателя, так и на сюжет произведения. В связи с этим важно осознавать их разнообразие и уметь интерпретировать любое изобразительно-выразительное средство.

Образный художественный текст может вызвать трудности при его восприятии носителем другого языка. Это приводит к дискуссии относительно использования художественных текстов на занятиях РКИ. С одной стороны, адаптация текста приводит к потере образности и авторской составляющей, с другой, неадаптированный текст может остаться непонятым, что делает его использование бессмысленным. Таким образом, получается, что адаптировать художественный текст необходимо, однако только в ситуациях, когда это представляется оправданным.

Глава 2 Анализ изобразительно-выразительных средств в романе Е.Г.

Водолазкина «Авиатор»

2.1. Жанровая принадлежность художественных произведений Е.Г.

Водолазкина, их тематические и стилевые особенности

Обратимся к биографическим данным писателя, доктора филологических наук, знатока древнерусской литературы, ученика Д.С. Лихачёва и литературоведа Е.Г. Водолазкина. Евгений Германович родился в Киеве в 1964 году. Этап школьного образования predetermined его склонность к гуманитарным наукам: Водолазкин закончил школу с углублённым изучением украинского и английского языков. После этого, в 1981 году он поступил в Киевский государственный университет на русское отделение филологического факультета. После окончания университета, получив красный диплом, Евгений Германович поступил в аспирантуру при Отделе древнерусской литературы Академии Наук СССР, также известный, как Пушкинский Дом.

Научный интерес Водолазкина вызывала область древнерусской литературы, поэтому он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Хроника Георгия Амартола в древнерусской литературе». После успешной защиты начал работать в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома, где продолжил научную деятельность. Так, Евгений Германович публиковал свои исследования в «Трудах Отдела древнерусской литературы», журнале «Русская литература» и других изданиях. Важным этапом стало участие в подготовке Энциклопедии «Слова о полку Игореве» и «Библиотеки литературы Древней Руси».

Дмитрий Сергеевич Лихачёв, наставник Водолазкина, получил в 1992 году Тепферовскую премию. Она давала право отправить ученика лауреата на стажировку в Германию сроком на один год. Так Евгений Германович отправился в Мюнхенский университет. В Мюнхене он проходил обучение и читал лекции по древнерусской литературе.

После возвращения в Санкт-Петербург Водолазкин продолжил заниматься научной деятельностью. В частности, область его научных интересов составили такие вопросы, как: особенности древнерусского исторического повествования, изучение экзегезы (интерпретация религиозных текстов) и агиографии (раздел, изучающий жития святых). Позже в соавторстве с Г.М. Прохоровым и Е.Э. Шевченко Евгений Германович издал книгу «Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозёрские». Водолазкин регулярно участвует в научных конференциях в России и в других странах мира. В 1998 году в Пушкинском Доме Водолазкиным была организована международная конференция «Монастырская культура: Восток и Запад» (материалы конференции составили основу одноименного издания, вышедшего год спустя).

В течение нескольких лет Евгений Германович был стипендиатом Фонда Александра фон Гумбольдта, что давало ему возможность заниматься исследовательской работой в библиотеках Германии. Именно в Мюнхене в 2000 году Водолазкин опубликовал монографию «Всемирная история в литературе Древней Руси». Эта монография была защищена им в Пушкинском доме в качестве докторской диссертации. Исследование представляет собой разработанную и обоснованную новую концепцию древнерусского исторического повествования. Эта концепция неоднократно представлялась на конференциях и лекциях в Санкт-Петербурге.

В начале 21 века Евгений Германович стал заниматься писательством и публицистикой. В 2002 году выпустил книгу «Дмитрий Лихачёв и его эпоха», которая представляла собой собрание воспоминаний учёных, писателей и публицистов. Водолазкин регулярно публиковал публицистические и научно-популярные работы в «Независимой газете», «Новой газете», «Литературной газете», журналах «Звезда», «Огонёк», «Эксперт» и т.д. Одни из популярных работ тех лет, которые сыграли большую роль в дальнейшем становлении Водолазкина как писателя, –

«Часть суши, окруженная небом. Соловецкие тексты и образы» и «Инструмент языка».

В 2009 году Водолазкин издал первое полноценное художественное произведение – роман «Соловьёв и Ларионов». Роман стал финалистом Премии Андрея Белого и «Большой книги». В 2012 году Евгений Германович стал главным редактором альманаха Пушкинского дома «Текст и традиция». В этом же году выпустил роман-житие «Лавр», жанр которого сам писатель определил как «неисторический роман». «Лавр» стал лауреатом премии «Большая книга» и премии «Ясной поляны» в номинации 21 век. В 2013 издал сборник эссе об учёных-филологах «Дом и остров, или Инструмент языка». В сборнике рассказаны забавные истории о жизни учёных. Книга позволяет читателю лучше узнать мировоззрение Водолазкина. В 2015 был издан роман «Авиатор», который образно передает атмосферу первой половины 20 века, раскрывает вопросы религии, роли истории в жизни человека, сути справедливости, раскаяния и возмездия. В 2018 вышел роман «Брисбен», который затрагивает тему музыкального искусства. Самый новый роман, «Оправдание острова» был издан в 2020 году. Он представляет собой описание жизни на придуманном острове, история которого начинается крещением, а заканчивается в период, напоминающий современность. Часть романа написана языком, представляющим средневековую летопись, который, с развитием истории, меняется на язык современных медиа. Во второй части даётся комментарий хронике жизни острова.

Исследование и анализ биографии Евгения Германовича имеет важное значение при исследовании художественных произведений автора, поскольку путь его образования и научных исследований оказал колоссальное влияние на жанровые и стилистические особенности прозы. Во-первых, глубокое знание и понимание древнерусской литературы и священных писаний позволили ему дать максимально правдоподобное описание персонажей и реалий в романе «Лавр» и целостно показать образ Платонова, рассуждающего о соотношении религии и науки и роли религии в

жизни человека, в романе «Авиатор». Во-вторых, филологическое образование позволяет ему филигранно управлять словом, использовать всё разнообразие выразительного потенциала русского языка, переплетая изобразительно-выразительные средства между собой. Он мастерски стилизует текст. Например, в романе «Лавр» Водолазкин осознанно опускает знаки диалогов и кавычки по причине их отсутствия во времена Средневековья.

Особое место в творчестве Евгения Германович занимает включение в сюжет категории времени. Здесь стоит сосредоточить внимание на романах «Лавр» и «Авиатор». Если действие «Лавра» происходит в XV в. на территории Древней Руси, но со включением фрагментов, в которых описываются другие эпохи, в частности XX в., то в «Авиаторе» представлена жизнь человека, чудесным образом заставшего две эпохи: с 1900 г. до времен сталинского правления; 1990-е годы. Подвергнувшийся криогенной заморозке узник Соловецкого лагеря «оживает» в последнее десятилетие XX в. [Жулькова, 2018]. Важно понимать, что Водолазкин реализует в романах идею одновременности: в одном текстовом фрагменте могут переплетаться эпизоды прошлого и будущего. Мастерство писателя позволяет читателю без затруднений ориентироваться в стыках эпох. Прошлое и настоящее отличается языковыми единицами, пунктуацией, стилистикой.

Интерес к категории времени возник у Водолазкина вслед за своим наставником, Лихачёвым, который изучал особенности художественного времени. Ученый доказал его связь с жанром, методом и временем написания произведения. По Лихачеву, варианты изображения времени очень разнообразны и напрямую зависят от замысла писателя. Время каждым воспринимается очень субъективно и в литературе есть свой принцип относительности. Время в художественном произведении может быть «закрытым» (замкнутым в себе, связанным только с сюжетом, движущимся всегда в одном направлении), и «открытым» (связанным с определенной исторической эпохой). Лихачев Д.С. неоднократно возвращается (в том числе

и в своих дневниках) к категории «вневременности и всевременности» [Лихачёв, 1979]. В литературоведении принято говорить о временных моделях, есть несколько вариантов таких моделей.

В романе Е. Водолазкина «Лавр» четыре части: Книга познания, Книга отречения, Книга пути и Книга покоя. В каждой последующей части мы видим героя, отличающегося от того, который был в предыдущей. Роман – это жизненный путь Лавра со всеми трудностями, а «книги» – этапы его судьбы. Приступая к прочтению новой «книги», мы переходим на новую, более совершенную ступень духовного и нравственного развития героя, но самое главное – наблюдаем перемены в восприятии им времени и его связь с ним. Таким образом, в четырёх «книгах», описывающих жизненный путь Арсения, время ощущается совершенно по-разному. Характер героя динамично развивается, и автор, чтобы показать это, использует все возможные временные модели [Калдыбекова, 2015].

Другой роман Водолазкина «Соловьёв и Ларионов» также по большей части опирается на категорию времени. Роман повествует о двух персонажах – историке Соловьёве и исторической личности, генерале Ларионове. Соловьёву необходимо написать научный труд, объектом которого является Ларионов, в связи с чем он отправляется в Крым. На данном этапе происходит первое столкновение времён: Соловьёв посещает исторические места. Более того, Соловьёв, узнавая больше о судьбе Ларионова, приводит собственные рассуждения и анализирует происходящее. При этом герой обращается к собственному детству, что тоже приводит к постоянным скачкам во времени. Ещё одним временным периодом является гражданская война между красными и белыми. Таким образом, роман построен на столкновении разных эпох и исторических событий.

Тема, которая затрагивается в прозе Водолазкина наряду со временем, историей и религией, – сила искусства. Она занимает отдельное место в романе «Авиатор», поскольку художественное искусство оказало большое влияние на жизнь главного героя, Платонова. Музыкальное искусство

является главной темой более позднего романа «Брисбен». Евгений Германович не ограничивается лишь музыкальной тематикой, весь роман построен по подобию полифонического музыкального произведения, в процессе которого сливаются два голоса – нижний и верхний. Нижний голос представляет собой рассказ от третьего лица, повествующий о жизни перспективного гитариста Глеба Яновского в период с детства до зрелости. Верхний голос – дневник, написанный самим Глебом, который повествует о периоде с 2012 до 2014 года. Верхний и нижний голоса перемежаются. Таким образом, получается, что Водолазкин применяет музыкальный приём в написании художественного текста. Более того, как мы можем убедиться, категория времени влияет на сюжет романа почти в той же мере, что и в «Лавре», «Авиаторе» и «Соловьёве и Ларионове».

Каждый художественный текст, написанный Водолазкиным, является уникальным творением. Даже привычные читателям темы писатель представляет под другим углом, используя как изобразительно-выразительные средства, так и особенности композиционного строя. Персонажи писателя многогранны, а описания настолько образны, что представляются кинематографичными. Филологическое образование Евгения Германовича позволяет ему управлять словом с максимальной тщательностью. Каждая языковая единица, использованная им, представляет собой интерес и может быть интерпретирована по-разному. Стыки времён и эпох переданы с большим профессионализмом, что создаёт ощущение полного погружения. Именно этот факт способствует многочисленным научным трудам, посвящённым его прозе.

2.2. Тематическое своеобразие романа Е.Г. Водолазкина «Авиатора»

Роман «Авиатор», изданный в 2016 году, повествует об Иннокентии Платонове, который приходит в себя на больничной койке и не помнит ничего о своём прошлом. За основу сюжета Водолазкин берёт приём, который был использован многими писателями ранее. В первой половине 20 века Платонов прошёл через процесс криоконсервации, после чего несколько десятков лет провёл в замороженном состоянии, придя в себя в 1999 году.

Другой важнейшей отличительной чертой романа является то, что он представляет собой дневниковые записи главных героев. Коммуникативной доминантой во всех текстах подобного рода является автокоммуникация, которая предполагает периодичность записей. Этот фактор определяет характер средств, используемых в дневнике. Разнообразные в тематическом отношении записи образуют определенную последовательность, которая носит дискретный характер и отражается в смене дат. Запись «для себя» всегда связана со свободой выражения, отсюда имплицитная передача информации, интенсивное использование неполных предложений, эллипсов и сокращений. Ведение дневника, кроме того, предполагает пересечение двух сфер: сферы письменной речи и сферы внутренней речи. Их взаимодействие при художественной трансформации жанровой формы дневника приводит к усилению лирической экспрессии, появлению развернутого самоанализа [Богданова, 2008]. Форма дневника выбрана неслучайно: она служит полноценному раскрытию главных сюжетных линий и умозаключений, которые совершают герои в процессе развития истории.

Роман «Авиатор» представляет собой многоплановый художественный текст, в связи с чем перед анализом изобразительно-выразительных средств следует уделить внимание обозначению и интерпретации основных тематических направлений.

Тема религии и её соотношения с наукой пронизывает весь текст романа. С первых страниц знакомства с Платоновым можно сделать вывод, что он человек религиозный: *«Проснувшись, прочёл мысленно «Отче наш».*

Оказалось, молитву воспроизвожу без запинки. Я, бывало, по воскресеньям, если не мог пойти в церковь, хотя бы «Отче наш» про себя читал» [Водолазкин, 2019:21]. Молитва «Отче наш» всплывает в сознании Иннокентия в первые дни в больнице. Более того, библейские персонажи фигурируют в сравнениях, которые использует Платонов для описания воспоминаний. Например, Иннокентий вспоминает пожар и сравнивает скачка, который на вороном коне разгоняет народ, с *«ангелом Апокалипсиса»* [Водолазкин, 2019:32]. Примечательно, что согласно Библии, всадник Апокалипсиса на вороном коне символизирует голод, а в руке держит весы, которые означают честное деление хлеба в голодное время, однако в то же время отсылает читателя к другой теме романа – справедливости, возмездию и раскаянию, которую мы исследуем подробнее позже.

Иннокентий Платонов часто использует библейские сюжеты и мотивы как стимул к размышлениям о жизни и о собственной судьбе. Например, вспоминая о сгоревшей церкви, Платонов пишет: *«Украдкой подойдёшь к куче – некоторые книги почти не тронуты огнём, всё читается: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание...» А с живыми что делать, которым порою хуже, чем усопшим? У которых болезнь и печаль? И воздыхание? Смотришь – напрестольное Евангелие. Полусгоревшее»* [Водолазкин, 2019:62]. Скорее всего, Платонов вспоминает своё состояние в Соловках, в лагере для заключённых, когда смерть казалась для него лучшим подарком.

О точном отношении Платонова к религии мы узнаём позже: *«Показав на мой нательный крестик, Лера спросила:*

- Ты веришь в Бога?

- Да.

- В эпоху аэропланов стыдно быть верующим. Вот я – дочь священника, а не верю. – Она затянулась дымом. – Чего молчишь?

- Разве аэропланы отменили смерть?

Лера засмеялась:

- *Конечно!*» [Водолазкин, 2019:91]. Здесь впервые Иннокентий озвучивает мысль, что развитие науки и техники никак не опровергает наличие Бога.

Посредством религии Платонов описывает и отношения с главной любовью его жизни, Анастасией: *«Это моё вы и Анастасия кажутся мне сейчас чем-то избыточным, даже забавным. Но тогда они были для меня чуть ли не порукой её, Анастасии, неприкосновенности. До некоторой степени – символом моей аскезы, чем-то вроде рясы, в которой иноку, наверное, проще сопротивляться искушениям. Или, наоборот, сложнее»* [Водолазкин, 2019: 99]. Для Иннокентия образ Анастасии священен и неприкосновенен. При этом важно отметить, что такие чувства Платонов испытывает исключительно по отношению к Анастасии, поскольку позволяет физическую близость с другими девушками, ещё до знакомства с ней.

Можно сделать вывод, что жизнь Платонова с детства была переплетена с религией. Его воспоминания детских лет: *«На прошлой неделе читали Покаянный канон Андрея Критского, а сегодня началась Страстная седмица. Попросил бы я Гейгера принести мне Покаянный канон, да только вряд ли он у него есть»* [Водолазкин, 2019:124]. Впоследствии Гейгер всё-таки приносит Иннокентию Покаянный канон: *«Гейгер принёс мне Покаянный канон, и я его весь день читал. Медленно, останавливаясь. Откуда начну плакать окаянного моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию?»* [Водолазкин, 2019:128]. Эту фразу можно перевести на современный русский язык, как «С чего начну я оплакивать деяния злосчастной моей жизни? Какое начало положу, Христе, я нынешнему моему сетованию?». Прочитав роман полностью, можно сделать вывод, что эта короткая фраза отображает всю жизнь самого Платонова. Она соотносится с его мыслями после пробуждения. Хоть о грехе Платонова мы узнаем лишь на последних страницах, предпосылки грешности персонажа можно встретить в течение всего романа. Более того, эта фраза появляется на

страницах не единожды. Спустя несколько дней первая часть фразы представляет единственную запись за целый день. Примечательно, что возникла она на следующий день после того, как Платонов заселился в прежнюю квартиру, а Гейгер лёг спать в комнате Зарецкого.

На первых страницах романа религиозность Платонова проявляется только в воспоминаниях прошлого, однако после того как он получает возможность выходить на улицу, мы можем убедиться, что он по-прежнему глубоко верующий человек: *«Сегодня мы с Гейгером были на Смоленском кладбище. Утро начали со службы в храме Смоленской Божией Матери (я начал, а Гейгер сидел снаружи), затем пошли в часовню Ксении Блаженной. Ксению, оказывается, недавно канонизировали»* [Водолазкин, 2019: 146].

Обратимся к другому важному аспекту темы религии: её противопоставление науке. Впервые с этим вопросом читатель сталкивается ранее, однако фундаментально эта тема поднимается, когда Платонов вспоминает, что с ним произошло непосредственно перед криозаморозкой. Оказывается, что лаборатория, которая занимается исследованиями в этой области, называется «ЛАЗАРЬ»:

- «ЛАЗАРЬ» - сокращение лазарета?

- Это другое сокращение. – Он улыбнулся. – «Лаборатория по замораживанию и регенерации» - только вряд ли вы о ней слышали.

Слышал? И да, и нет. На Соловках существовало несколько лабораторий, о которых ничего в точности не было известно – ни род их деятельности, ни даже название. Но люди одной из них – как я начинал понимать, именно этой – именовались в лагере лазарями. Однажды я даже спросил у кого-то, почему их называют лазарями, но ответа тогда не получил [Водолазкин, 2019:207]. Параллель с библейским сюжетом очевидна. Лазарь был другом Иисуса, который умер от болезни. Спустя четыре дня Иисус воскресил его, после чего Лазарь прожил 30 лет и умер в 63 года. В то же время, в случае с лабораторией «ЛАЗАРЬ» является аббревиатурой, что, однако, никак не отменяет отсылки к библейскому персонажу. Остаётся

другой вопрос: противопоставляются ли религия и наука Водолазкинским? Ответ на этот вопрос даётся позже. Платонов сам сравнивает себя с Лазарем, и это значит, что Иннокентий ставит в один ряд Божественное воскрешение Лазаря и научное воскрешение себя: *«Какая всё-таки подходящая аббревиатура – ЛАЗАРЬ, даже если учесть, что я пролежал не четыре дня. <...> В первый раз Лазарь умер не внезапно – болел, тяжело болел. Мой уход в заморозку тоже не был неожиданностью. Получается, у нас обоих было время подготовиться. И наши с ним мысли перед уходом были, возможно, одни и те же. А потом его воскресил Господь – вот с этим как он жил? Ведь даже я, которого вернул к жизни всего-навсего Гейгер, до конца не могу осознать масштаб произошедшего. Прихожу к единственно возможной мысли, что руками Гейгера меня разморозил Господь. <...> Меня волнует, что он чувствовал после того, как уже раз ушёл из мира живых?»*

Когда человек возвращается – откуда бы то ни было – это ведь не случайно. Это изменение принятого решения или естественного хода событий. Для всякого возвращения должны быть веские причины. Когда же человек возвращается не откуда-нибудь, а с того света, он имеет особые задачи. Лазарь четверодневный свидетельствовал о всемогуществе Господнем. <...> И всё же хорошо, если они послужат воскрешению прежнего моего времени – пусть такое воскрешение и несовершенно [Водолазкин, 2019:287]. Это размышление Платонова приводит нас к мысли, что наука только доказывает существование Бога. Осознание Божественного участия в возвращении Платонова к жизни спустя несколько десятков лет в 1999 году становится для него тяжелой ношей, поскольку он пытается разобраться, в чём его миссия. Иннокентий приходит к выводу, что Господь руками Гейгера воскресил не самого Платонова, а ту эпоху, в которой он жил. Ради этого он и занимается жизнеописанием, которое представляет собой реалии времени, в котором он жил, а не исторические факты. Эту мысль подтверждает Иннокентий в разговоре с Гейгером, ближе к концу

романа, когда они оба уже понимают, что здоровье Платонова находится под угрозой:

- Вы – атеист? – спросил меня Иннокентий.

- Нет, так я себя не определяю. Скорее, я человек, который доверяет научному знанию. Если наука докажет мне, что Бог есть, что ж...

- Не обольщайтесь. На самые важные вопросы наука ответить не смогла. И не сможет – ни на один.

- Например?

- Как всё возникло из ничего? Как появляется и куда уходит душа?

Вопросов море – и все лежат за пределами науки.

- Возможно. И всё же мне трудно переступить через эти пределы.

Хотя иногда и переступаю.

Сейчас переступаю, когда дело касается Иннокентия.

Он мне прочёл фразу из церковного песнопения. Смысл ее в том, что, когда Бог захочет, побеждается естественный порядок вещей.

Рамки науки в нашем с Иннокентием случае тесны как никогда. Просто впиваются в ребра. Вдавливают в меня религиозную мысль, что помочь здесь может только Он [Водолазкин, 2019:356-357]. Платонов уверен, что наука ограничена рамками, а религия и Божья сила безграничны и затрагивают куда более широкие и важные в рамках человеческой жизни вопросы, которые наука не сможет объяснить и решить никогда. Эту мысль доказывает цитата, прочитанная Платоновым и Настей в Покаянном каноне: «Бог идеже хоцет, побеждается естества чин». Гейгер соглашается, поскольку случай Платонова доказывает теснейшую связь науки и религии. Он не может найти причину отмирания клеток Иннокентия, поэтому вынужден верить, что спасти Платонова может только Бог.

В конце романа Платонов летит в самолёте, который может никогда не приземлиться из-за поломки шасси, а рядом с ним сидит священник. Именно в этот момент он вспоминает свою исповедь и рассказывает читателю о том, что это он убил Зарецкого. Иннокентий раскаялся, это доказывает следующая

реплика: *«Я сейчас подумал: могут. Ведь настоящее покаяние – это возвращение к состоянию до греха, своего рода преодоление времени. А грех не исчезает, он остается как бывший грех, как – не поверите – облегчение, потому что раскаян. Он есть и – уничтожен одновременно»* [Водолазкин, 2019:408-409].

Становится понятно, что тема религии становится одной из ведущих тем романа «Авиатор». Платонов обращается к Богу в течение всей жизни, ему важно раскаяться и получить облегчение. К слову, он находит способ извиниться перед Зарецким за совершённый грех: Иннокентий изображает его на портрете. Причём делает это таким образом, что Гейгер и Настя больше не видят его предателем: *«Он освобождает Зарецкого. Избавляет от его страшной роли – быть мокрицей»* [Водолазкин, 2019:385].

Другой сквозной темой романа представляется тема одиночества, которая выражена постоянным эксплицитным и имплицитным сравнением Платонова и его судьбы с образом и судьбой Робинзона Крузо. Впервые образ Робинзона появляется в первых воспоминаниях Платонова о детстве: *«А Платонова нет, докладывает староста класса, он остался дома в связи с инфлюэнцей, ему, поди, «Робинзона Крузо» читают»* [Водолазкин, 2019:15]. Книга «Робинзон Крузо» повлияла на жизнь и мировоззрение Платонова, потому что связана с самыми теплыми воспоминаниями из детства. Образ острова появляется на страницах романа в разном воплощении. Первый для Иннокентия остров – это Петербург: *«Спасала мысль о Петербурге – острове, о который они разбиваются»* [Водолазкин, 2019:31]. Санкт-Петербург – это остров счастья, который всплывал в сознании Платонова в особенно тяжёлые моменты жизни. Позднее, когда Гейгер приносит Иннокентию книгу, она переносит его в детство, при этом воспоминание это оказывается образным и ярким: *«Гейгер принёс мне «Робинзона Крузо». <...> Шелест этих листов был шелестом островных листьев, защищавших Робинзона от солнца, - огромных, ярко-зелёных, едва колышущихся. <...> Я листал книгу и узнавал страницу за страницей. С*

каждой строкой воскресало всё, что сопровождало её в моем ушедшем времени, - кашель бабушки, звон упавшего ножа и (оттуда же) запах жареного, дым отцовской папиросы» [Водолазкин, 2019:34].

Второй образ острова – это будущее, в котором оказался Платонов. В нём он чувствует себя чужим и одиноким, подобно Робинзону, который оказался на необитаемом острове. Будущее – остров обитаемый, однако совершенно незнакомый Иннокентию: *«Открылся рассказ о том, как Робинзон перевозит вещи с бывшего своего корабля. Из запасных мачт сооружает плот и, делая ходку за ходкой, доставляет на берег запасы провизии, плотницкие инструменты, парусину, канаты, ружья, порох и много чего другого. Плот качается под тяжестью спускаемых на него сундуков, и сердце читателя бьётся, потому что всё у Робинзона – последнее, ничему нет замены. Родившее его время осталось где-то далеко, может быть, даже ушло навсегда. Он теперь в другом времени – с прежним опытом, прежними привычками, ему нужно либо их забыть, либо воссоздать весь утраченный мир, что очень непросто» [Водолазкин, 2019:42].* Так же кропотливо, как Робинзон переносит свои вещи, Платонов ловит и записывает свои воспоминания. Иннокентию страшно, что его сознание снова уйдёт во мрак и вся предыдущая жизнь сотрется: *«Вот потому, должно быть, Робинзону днем было ещё куда ни шло, а на закате – по-настоящему страшно. Страшна сама мысль о погружении во мрак, она сжимает сердце, как тиски, и ты изо всех сил сдерживаешься, чтобы не закричать» [Водолазкин, 2019:62].*

Третий остров самый страшный – Соловки, лагерь для заключенных, в который отправили Платонова. Воспоминания о нём приводят его в ужас:

- *Приснилось. А может быть – вспомнилось.*
- *Что вспомнилось? Это же важно.*
- *Остров. Тяжёлое ощущение.*
- *Какой остров? Название помнишь?*
- *Необитаемый. Не мучай меня. Ляг рядом. [Водолазкин, 2019:63].*

Период жизни в Соловках для Платонова был адом, поэтому, ложась там спать, он возвращался в мыслях к произведению Дефо. При этом Иннокентий представлял себя на месте Робинзона, описывая приключения образно и кинематографично, что в корне отличается от его реальной жизни в Соловках. Робинзон – это якорь, которые оставляет Иннокентия в жизни, даёт стимул жить дальше. Платонов противопоставляет остров Соловки острову Робинзона: *«Те, что создали соловецкий ад, лишили людей человеческого, а Робинзон – он ведь, наоборот, очеловечил всю окружающую его природу, сделал ее продолжением себя»* [Водолазкин, 2019:192].

Позже возникает четвёртый образ острова – прежняя квартира Платонова: *«В моей прежней квартире я иногда чувствую себя будто на острове – среди моря чужой жизни. Бедный Робинзон Крузо»* [Водолазкин, 2019:290]. По сути, она является единственным местом во всём мире будущего, которая возвращает его в прошлое и представляет собой физическое доказательство того, что это прошлое когда-то реально существовало в жизни Платонова.

Иннокентий не просто сравнивает себя с Робинзоном, он отождествляет себя с ним: *«Читая, я подумал: Робинзон за грехи был заброшен на остров и лишен своего родного пространства. А я лишился своего родного времени – и тоже ведь за грехи. <...> Подумал вдруг о лишённых времени и пространства: да ведь это мертвецы. Получается, что мы с Робинзоном – полумертвые. А может быть, и мертвые – для тех, кто нас знал в прежнем времени и в прежнем пространстве»* [Водолазкин, 2019:297]. Во-первых, в этот отрывке Платонов признаёт себя грешником, в то время как читатель может только на уровне догадок предполагать, в чём заключается его грешность. Во-вторых, Иннокентий возводит в абсолют собственное чувство одиночества в новом времени, он называет себя мертвецом. Собственно, как и Робинзона. Создаётся впечатление, что он не отделяет себя от персонажа.

Позволим себе замечание, что для Платонова произведение «Робинзон Крузо» является второй по значимости книгой – после Библии. К тексту произведения он обращается в течение всей своей жизни. Роман заканчивается именно воспоминаниями Платонова о том, как бабушка читала ему Робинзона. Более того, параллель наблюдается ещё и в том, что «Авиатор», подобно «Робинзону Крузо», написан в форме дневниковых записей. Таким образом, можно сделать вывод, что тема одиночества является второй ведущей темой всего романа.

Следующее тематическое направление романа – тема справедливости, которые выражена в образе статуэтки Фемиды. Фемида присутствовала в жизни Платонова с самого детства: *«На шкафу статуэтка Фемиды, её подарили отцу в день окончания юридического факультета. Мне на неё ещё грудному показывали, говоря: Фемида. Спрашивали потом, при гостях особенно: где Фемида? Я показывал. Не знал ещё, кто такая Фемида, думал, что любая дребедень, стоящая на шкафу. Мне всё в Фемиде нравилось, кроме весов – они не качались. Лет до семи я это терпел, а потом попытался сделать весы подвижными, гнул их, стучал по ним молотком. Был уверен, что они должны качаться, думал, заело что-то. Весы, конечно, отломались»* [Водолазкин, 2019:39]. Эпизод, в котором Платонов ломает весы, очень важен, поскольку спустя какое-то время после этого в их семье, как и во всей стране, начнётся период доносов и незаконных арестов. Сцена ареста Платонова максимально отражает параллель между полным отсутствием правосудия и сломанными весами Фемиды: *«Я смотрел на шкаф, где стояла Фемида, и понимал, что никто ни в чём уже не разберётся, что любой исход дела неправосуден, потому что не существует более инструмента для взвешивания. Вид бронзовой статуэтки с отломанными весами был для меня в тот вечер самым страшным – страшнее даже этих существ, копошащихся в моем белье, страшнее, может быть, того, что мне в дальнейшем угрожало. Вид этой статуэтки не оставлял ни малейшей надежды. Я вдруг понял со всей ясностью, что за*

каких-нибудь несколько лет исчезло понятие правого и неправого. Верха и низа, света и тьмы, человеческого и звериного. Кто и что будет взвешивать, да и кому это теперь нужно? У моей Фемиды оставался только меч» [Водолазкин, 2019:122]. Этот эпизод со всей реальностью демонстрирует читателю ужас эпохи, а Фемида без весов становится символом творящегося беззакония.

Со статуэткой Фемиды Платонов встречается в 1999 году, когда приходит домой к Насте: *«Рассматривая книги на полках, увидел... Фемиду. Статуэтку моего детства с отломанными весами. Полка с Фемидой отвалилась от остальных полок и поплыла по комнате. Только что, ложка за ложкой, я ел Настин борщ, а за спиной, оказывается, стояла Фемида. Протянул к ней руку и тут же отдернул» [Водолазкин, 2019:214-215].* Возникает вопрос, что именно вызвало такую реакцию Платонова. При первом чтении романа создаётся впечатление, что статуэтка прожила всё то время, что Платонов был в заморозке и является символом его прошлого. Однако в таком случае эмоциональный отклик Иннокентия был бы другим: он же отдёргивает руку от Фемиды. Водолазкин оставляет читателю подсказки, которые в конечном итоге позволят предугадать, в чём же состоит главный грех Платонова, его крест, который он пронес сквозь года. Задаются этим вопросом также Гейгер и Настя: *«Он писал, - припомнил Гейгер, - что эта статуэтка у него как-то связана с первыми шагами в живописи. Чуть ли не вдохновила она его заниматься этим. А теперь у него здесь какой-то ступор. На этой почве, видимо, сложности и с Фемидой» [Водолазкин, 2019:266].* Таким образом, и Гейгер, и Настя связывают восприятие Платонова с неудачами в рисовании.

Следующим намёком Водолазкина на грешность Платонова является эпизод рисования Фемиды. Примечательно, что за весь роман Иннокентий Петрович нарисовал только Фемиду и Зарецкого. Однако, даже несмотря на попытки Водолазкина логически указать на развязку сюжетной линии Зарецкого, она оказывается неожиданной: *«За Фемиду отдельно просил*

прощения – мне, когда убивал, казалось, что восстанавливаю справедливость, хотя о какой справедливости здесь можно говорить? Сплошная несправедливость. И даже о справедливости я уже потом придумал, а первоначально остановил свой выбор на Фемиде совсем по другой причине. Статуэтка, которая раньше использовалась исключительно в мирных целях (прежде всего орехи), вдруг превратилась в орудие возмездия. <...> Пока шёл вдоль Ждановки, ощупывал статуэтку за пазухой, и была она холодной, как топор» [Водолазкин, 2019:405]. Так, оказывается, что Зарецкого убил сам Платонов, причём сделал это посредством статуэтки Фемиды. Как говорит сам Иннокентий, не стоит считать это возмездием и торжеством справедливости, поскольку он сам не вкладывал в это такой смысл. Становится понятна реакция Платонова на статуэтку, ведь она не символизировала его прошлое, а она стала символом его греха. Получается, что и заключение Иннокентия в Соловках было с какой-то стороны законным, хотя, конечно, сотрудники ГПУ не знали об этом преступлении.

В окончании романа Платонов снова возвращается к Фемиде: *«Взять статуэтку Фемиды. Трудно представить без неё мое детство, она сопровождала самые яркие его моменты. Отламывая от неё весы, я ещё не знал, какого рода инструмент себе готовлю. Но детская моя шалость была, оказывается, частью той драмы, которая году спустя развернулась на берегу Ждановки» [Водолазкин, 2019:410]. После раскаяния и очищения от греха Фемиды снова становится для Платонова символом детства, к воспоминаниям о котором он возвращается на пороге смерти. На вопрос о том, существует ли справедливость, отвечает сам Платонов:*

- Что может быть выше справедливости! – крикнула я, чтобы расшевелить этого человека.

Он подумал. Сказал:

- Наверное, только милость [Водолазкин, 2019:265].

Роман «Авиатор» представляет собой слияние разнообразных тем, которые дополняют друг друга, переплетаясь в различных сюжетных линиях.

Каждая из них значительно влияет на жизнь Иннокентия Петровича, а Водолазкин устами Платонова отвечает на многие вечные вопросы.

2.3. Классификация и интерпретация изобразительно-выразительных средств в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор»

Роман «Авиатор» представляет собой дневниковые записи Иннокентия Платонова, Гейгера и Насти. Повествование наполнено изобразительно-выразительными средствами разных языковых уровней. Е.Г. Водолазкин мастерски управляет языком, применяя те или иные средства выразительности. Интересно, что некоторые из них встречаются практически на каждой странице романа, а некоторые используются автором единожды или дважды. Художественная речь в романе сопоставляется с искусством рисования, она представляется инструментом жизнеописательства: *«Потому что настоящее искусство – это выражение невыразимого, того, без чего жизнь неполна»* [Водолазкин, 2019:411]. Каждое описание в романе создаёт реальную картину вплоть до звуков и запахов. В связи с этим историю Платонова легко представить в качестве фильма.

Обратимся к фонетическому уровню. Фонетические изобразительно-выразительные средства в романе встречаются менее всего. Это можно связать с форматом дневниковых записей, который не предполагает осознанное использование определённых гласных и согласных звуков. Несмотря на это, в тексте встречается аллитерация: *«Или, допустим, вспомнился скандал – безобразный, изнурительный. Непонятно где разыгравшийся»* [Водолазкин, 2019:11]. Данный пример взят с первых страниц романа, то есть Платонов находится в состоянии, когда не понимает, что с ним происходит и не помнит своего прошлого. Он вспоминает не сам скандал, а эмоции, которые получил, его переживая. Звук р в данном случае помогает передать эти эмоции. Другой случай, когда Водолазкин использует аллитерацию, – описание грозы: *«К этому добавлю, что сверкала молния и гремел гром. Даже не гремел – как-то адски громко трещал. Будто небо*

было *твердью* и *разламывалось на две неравные части*» [Водолазкин, 2019:337]. Интересно, что автор снова использует звук р. Благодаря частотному употреблению этого звука создаётся атмосфера грозы. Аллитерация в данном случае призывает к жизненному опыту читателя, поскольку каждый хотя бы единожды сталкивался с грозой такой силы.

Другой пример аллитерации, который создаёт образную картину и позволяет читателю «услышать» звук: «Юбка под полушубком длинная, по полу *шуршит*» [Водолазкин, 2019:21]. Звук ш изображает шорох юбки по полу.

Ещё один приём фонетического уровня, который использует автор, – звукоподражание. В чистом виде оно встречается в тексте нечасто: «*И так хорошо, так сладко мне тогда барабанилось: трам-тарарам, трам-тарарам, трам-тарарам-пам, трам-пам-пам*» [Водолазкин, 2019:58].

Чаще всего в тексте Водолазкин рисует звуковую картину посредством слов с семантикой звука. Например, *лязг, скрипят пружины, звяканье инструментов, треск бинта, цоканье лошадей, стрекотали кузнечики, оно гудит, жужжит муха, звук рассекаемой воды, тихое шипение, скрипят доски, прихлёбывает чай, крики чаек, со звоном бросаю, шорох газеты, едва слышное гудение* и т.д.

Лексический уровень выразительно-изобразительных средств представлен в романе достаточно широко. Особый интерес вызывают сравнения. В тексте можно встретить развёрнутые сравнения и концептуально новое видение «классических» сравнений.

Рассмотрим примеры сравнений: «*Её ладонь покрывала мою кисть домиком – так учат держать руку при игре на фортепиано*» [Водолазкин, 2019:20]; «*Слежу за движением губ его и бровей – так пробуют вино*» [Водолазкин, 2019:23]; «*Путаясь в русских словах, финка хвалит свою корову. Эту корову я представляю похожею на самую молочницу – огромной, неторопливой, с широко посаженными глазами и тугим выменем*» [Водолазкин, 2019:23]; «*Мне хватало её запястья, её мизинца, ногтя на*

мизинце – маленького, как чешуйка перламутра, гладкого и розового» [Водолазкин, 2019:30]; *«Ваше сознание напоминает желудок после голодания, перегрузить его – значит убить»* [Водолазкин, 2019:50]; *«Она говорила, и слова выходили из неё с рыданием, одно за другим, как толчки рвоты»* [Водолазкин, 2019:106]; *«Произношу короткие фразы и сам себя стыжусь: так мог бы отвечать размороженный бабуин, но не человек Серебряного века»* [Водолазкин, 2019:131]; *«Видны были зелёные пятна елей, будто кто-то влил одну краску в другую и не размешал»* [Водолазкин, 2019:197]; *«По ту сторону двери лязгнул замок – словно зубами волк из сказки. Словно проглатывал меня»* [Водолазкин, 2019:197]; *«Потрескивают, воск с них стекает, застывая тут же причудливыми сталактитами»* [Водолазкин, 2019:21]; *«Беседа – нескончаемые титаник да фердинанд – движется волнами то тише, то громче»* [Водолазкин, 2019:365]. Можем сделать вывод, что сравнения используются для выражения совершенно разного отношения персонажа к происходящему. В каких-то случаях сравнение придаёт образности и превозносит качества сравниваемого, в других сравнение имеет оттенок ироничности и самокритичности. Также среди приведённых есть примеры, в которых этот приём, напротив, приземляет сравниваемый объект. Таким образом, получается, что сравнение – универсальное средство выразительности, которое Водолазкин использует в разных ситуациях.

Сравнения в тексте романа также выступают в качестве инструмента раскрытия особенностей состояния Платонова: *«Мой язык действует ещё в значительной степени самостоятельно: произносит то, что привык произносить, как это бывает у говорящих птиц»* [Водолазкин, 2019:23]. В данном случае Иннокентий описывает особенности собственного сознания посредством сравнения с говорящей птицей, то есть читатель понимает механизм возникновения воспоминаний Платонова: он бессознателен и основан на остаточных нейронных связях.

Интересный приём, использованный Водолазкиным, – противопоставление сравнения и метафоры. Рассмотрим два примера: «...наблюдаем, как невесомость листьев передаётся обозу» [Водолазкин, 2019:32]; «Там листья, словно свинцовые, пикируют по диагонали вниз» [Водолазкин:2019, 35]. Данные приёмы используются автором практически подряд, однако в первом случае выбирается лёгкий образ *невесомых* листьев, поскольку воспоминание это относится к счастливому периоду жизни персонажа, в то время как *свинцовыми* листья становятся в тяжёлом воспоминании о Зарецком. Водолазкин грамотно использует изобразительно-выразительные средства, сопоставляя их и противопоставляя друг другу, что оказывает большое влияние на эмоциональную сферу читателя.

Автором используются и развернутые сравнения: «В нём ещё что-то клокотало, шипело что-то, но готовности следовать дальше уже не было: в этих звуках проявляла себя лишь невозможность мгновенно затихнуть. Так после бега храпит, восстанавливая дыхание, скаковая лошадь» [Водолазкин, 2019:43]; «Под козырьком курили двое в белых халатах, тягуче сплевывали на землю. Два верблюда» [Водолазкин, 2019:169]; «Она не предложила мне чая, потому что с ней никакой чай не соединялся – она, что ли, воду на керосине стала бы кипятить? Но ведь даже сесть не предложила. Королева» [Водолазкин, 2019:256]. Подобные сравнения увеличивают образность произведения, а также способствуют раскрытию персонажа Платонова, как талантливого писателя, умениями которого восхищается Гейгер.

Вернёмся к идее нового прочтения Водолазкиным привычных для языка художественной литературы сравнений: «Волосы у неё были мягкие, как... шёлк. Не хотел писать про шёлк – уж как-то это в ход пошло, так все пишут. Но ведь действительно – как шёлк. Как её шелковая ночная рубашка, которой я иногда касался во время наших поздних бесед. У шёлка такое свойство – спадать. Может быть, даже – ниспадать. У меня волосы жёстче, они могут виться, сбиваться в вихры, топорищаться, а вот

ниспадать – не могут. Потому что не шёлк. Я зарывался лицом в волосы Анастасии и спрашивал шепотом – откуда у них это свойство? Какова природа этого пшеничного потока – тихого, свежего, растекающегося по плечам? Спрашивал: это принадлежит мне, является теперь и моим свойством? Конечно, отвечала она, как же иначе, ведь свойства каждого из нас становятся общими. Я подставлял под этот поток ладонь и подносил его к своим волосам» [Водолазкин, 2019:166]; «Круговое и плавное его снижение внезапно прервалось. Сравнение с подстреленной птицей, обошедшее потом все газеты, как мне и сейчас единственно возможным. Несмотря на свой откровенный романтизм, оно соответствовало тому, что я видел: правое крыло по-птичьи заломилось, и машина, вращаясь вокруг своей оси, устремилась вниз» [Водолазкин, 2019:270]. Приведённые примеры любопытны тем, что Платонов сам признает банальность выбранных сравнений, однако последующим ярким и образным текстом придаёт совершенно новое видение привычных приёмов.

Лексические средства выразительности не ограничиваются в романе одними сравнениями. Небанальные образы продуцируются Водолазкиным посредством метафор: *«Было в круговом движении руки что-то моцартовское, что-то от взмаха дирижёрской палочки, оживляющего немые инструменты и земными законами тоже не вполне объяснимого» [Водолазкин, 2019:36]; «Скорее всего, это было счастье совместного движения, торжество ритма» [Водолазкин, 2019:59]; «Мне всё казалось, что нажми чуть сильнее ветер – стёкла не выдержат, брызнут неосвежающим дождём на подоконник, на пол, на головы прохожих» [Водолазкин, 2019:61]; «Вице-президент говорит, что, по его разумению, это аплодисменты научной мощи Российской академии и моему человеческому мужеству» [Водолазкин, 2019:130]; «Тыльную сторону ладони пронизывали нити вен» [Водолазкин, 2019:146]; «И всё это вместе сплеталось в общий запах отчаяния, цвет и звук отчаяния, потому что это только кажется, что они сокрыты в душе и недоступны органам чувств»*

[Водолазкин, 2019:188]; *«Компьютерное нахальство»* [Водолазкин, 2019:276]; *«Протяжный Настин взгляд»* [Водолазкин, 2019:293]; *«Платоша заразил нас писательством»* [Водолазкин, 2019:298]. Проанализировав данные примеры, мы можем сделать вывод, что автор использует метафоры равномерно по всему тексту романа. Закономерностей использования метафор в определённых ситуациях или эмоциональных состояниях персонажа выявлено не было. Данные средства выразительности используются с целью повышения общего уровня образности текста.

Эпитеты в романе выступают скорее вспомогательным средством создания образности. Например, *«скорбная неподвижность»*, *«очаровательно краснеет»*, *«тонкие, изящные уши»*, *«огненно-жёлтые листья»*, *«скорбная трапеза»*, *«непостижимый трагизм»*, *«изящные двери»*, *«бурый весенний снег»*, *«великие потрясения»*, *«скорбная рептилия»*, *«ледяной плен»*, *«густой звук»*, *«благословенная земля»*, *«тугая сверкающая коса»*, *«невесомая рука»*, *«умный тонкий человек»*, *«трагическая маска»*, *«жестокое место»*, *«рассеянное солнце»*, *«звериная нечеловеческая сила»* и т.д. Рассмотрев примеры, можно заметить доминирование эпитетов с семантикой трагизма, несчастья, скорби. Однако при описании персонажей, которые сыграли важную положительную роль в его жизни, Платонов использует восхваляющую лексику.

Другим лексическим приёмом являются говорящие фамилии. Во-первых, фамилия главного героя – Платонов. Первой ассоциацией, которая возникает в сознании, является отсылка к философу Платону, что позднее подтверждается Гейгером: *«Всё, что включает имя Платон, несёт в себе оттенок мудрости»* [Водолазкин, 2019:230]. Другими говорящими фамилиями обладают эпизодические персонажи, которые изредка возникают на страницах романа. Например, *«Иннокентий рассказал мне, что ему звонил некто Белков» из правительства. Разговаривал с ним довольно долго. Имелся в виду, конечно, Желтков. Человек, всем (кроме Иннокентия) известный»* [Водолазкин, 2019:235]. В приведённом примере говорящая

фамилия является основой игры слов и придаёт юмор эпизоду. В другом случае Водолазкин наделяет такой фамилией сотрудника Соловков: *«Я отрицал все обвинения, и Бабушкин задумчиво меня выслушал. В этот день у него был усталый вид. Мне тогда даже пришло в голову, что в чём-то он соответствует своей фамилии»* [Водолазкин, 2019:126]. Этот приём является локальным и не оказывает сильного влияния на общий сюжет романа.

Остальные тропы используются Водолазкиным лишь периодически, однако это не отменяет их художественной ценности. Рассмотрим примеры олицетворений: *«Гейгер приладил подставку над моим животом. Она печально приподнималась с каждым моим вздохом, словно сама вздыхала»* [Водолазкин, 2019:14]; *«Паровоз тяжело выдыхал»* [Водолазкин, 2019:43]; *«Тёплый ветер треплет кружево зонтов»* [Водолазкин, 2019:92]; *«Мы сидели друг против друга у окна, и всё окно занимал огромный собор. Он смотрел на нас с явной укоризной, потому что столько раз видел меня гуляющим с Анастасией»* [Водолазкин, 2019:194]. Следует обратить внимание на очеловечивание предметов в трёх примерах из четырёх. Водолазкин наделяет подставку, паровоз и собор человеческими органами чувств, что делает эти объекты полноценными участниками эпизодов.

Оксюморон также не является частотным приёмом, однако каждый из случаев использования демонстрирует безысходность: *«Бурая до бесцветности», «убогое кокетство», «радость скорбящей»*. Примечательно, что в одном из примеров мы снова встречаем слово с семантикой скорби. Все примеры оксюморона обладают именно отрицательной эмоциональной окраской и выполняют роль усилителя.

В течение романа часто можно встретить иностранную лексику. Её использование мотивируется двумя причинами. В первом случае, в речь Гейгера включаются немецкие слова, что дополняет образ доктора (*Zeit, zeit; Sehr demokratisch; Schrecklich; Wahnsinn; Unglaublich; O, mein Gott*). Второй случай более интересен. Употребляя англицизмы, Платонов как бы

высмеивает их: «*В качестве, с позволения сказать, ньюсмейкера (есть на свете и такое слово)*» [Водолазкин, 2019:115]; «*На телевидении меня сначала гримировали – пудрили лицо, распыляли на волосы лак из железной банки. В моё время это называли пульверизатором, а сейчас – спреем. Спрей, конечно, короче. В английском много таких словечек – маленьких звонких, как шарик для пинг-понга, – удобных, в общем, и экономных. Только вот раньше на речи не экономили*» [Водолазкин, 2019:139]. Создаётся впечатление, что устами Платонова Водолазкин, являющийся филологом, высказывает собственное мнение относительно вхождения в литературный язык большого количества англицизмов.

Большой интерес вызывает синтаксический уровень. Изобразительно-выразительные средства на синтаксическом уровне используются достаточно часто. Чаще всего Водолазкиным используются парцелляция, риторические вопросы и антитеза.

Обратимся к парцелляции. С одной стороны, это легко объяснить формой романа – дневниковыми записями. Этому жанру характерен отрывистый способ выражения мыслей, поскольку дневник – это личные размышления персонажа. В то же время, если говорить именно об «Авиаторе», парцелляция в нём используется по разным причинам.

На первых страницах романа отрывистость размышлений объясняется тем, что Платонов только пришёл в себя, в связи с чем не может излагать мысли полно. Рассмотрим примеры: «*Моя голова. Кружится. Лежу на кровати*» [Водолазкин, 2019:14]; «*Вчера ещё не было времени. А сегодня – понедельник. Дело было так. Гейгер принёс карандаш и толстую тетрадь. Ушёл. Вернулся с подставкой для письма*» [Водолазкин, 2019:14]; «*Сегодня познакомился с сестрой Валентиной. Стройна. Немногословна*» [Водолазкин, 2019:15]; «*Несколько дней пролежал не поднимаясь. Слабость невероятная. Не было сил писать*» [Водолазкин, 2019: 48]. Подобные примеры встречаются исключительно в начале романа, а с изменением

состояния Платонова условия, в которых используется парцелляция, также меняются.

В дальнейшем мы можем встретить парцелляцию в моменты всплесков положительных или отрицательных эмоций. Например, часто парцелляция используется в моменты воспоминаний об Анастасии: *«Анастасия смотрела на меня с любопытством. Дышала ртом. Отложила свою книгу»* [Водолазкин, 2019:85]; *«Обычно днём, когда в квартире никого не было. Лежали обнявшись. Иногда – не касаясь друг друга. Разговаривали. Молчали»* [Водолазкин, 2019:96]; *«Анастасия. Лежит с закрытыми глазами. С полуоткрытым ртом. Тяжело дышит»* [Водолазкин, 2019:172]; *«Мы сидели на стульях слева от Анастасии. Я взял её за руку и легонько сжал. Анастасия открыла глаза. И закрыла. Её рука осталась в моей»* [Водолазкин, 2019:181].

В моменты волнения, боли, острых переживаний в дневниковых записях Платонова также прослеживается парцелляция: *«Красные утёсы. И ведь отец был жив тогда, и бабушка. И мама. Я всё про маму думаю и не хочу у Гейгера спрашивать, как она. Там»* [Водолазкин, 2019:103]; *«Сидел неподвижно, и только на скуле двигался желвак. Земноводное. Скорбная рептилия»* [Водолазкин, 2019:106]; *«Измеряет температуру, даёт таблетки. Иногда укол делает»* [Водолазкин, 2019:184]. В данных случаях парцелляция легко объяснима моральным состоянием Платонова. В первом примере он спрашивает, жива ли его мама, во втором вспоминает образ Зарецкого, в третьем – тяжело болеет гриппом.

Во второй части романа дневник начинают вести Гейгер и Настя. Ранее читатель видел образы этих персонажей только глазами Платонова. Водолазкин использует парцелляцию для раскрытия образа Гейгера, практичного доктора, воплощающего в себе черты стереотипного немца. Отрывистость мыслей в данном контексте раскрывает особенности его мышления: чёткого и прагматичного. Практически в каждой дневниковой записи, сделанной Гейгером, можно наблюдать парцелляцию: *«Другое дело я.*

Плохо говорю. Плохо пишу» [Водолазкин, 2019:222]; *«Меня это радует. Очень»* [Водолазкин, 2019:231]; *«Тем более что играть так приятно. Так уютно»* [Водолазкин, 2019:231]; *«Я смотрел вчера с ними хронику пятидесятих. Забавно. Как на другой планете»* [Водолазкин, 2019:283]; *«Остается стоять, покачиваясь, с пятки на носок. Скрипя паркетом»* [Водолазкин, 2019:363].

Сюжетной и тематической спецификой романа объясняется высокая частотность употребления риторических вопросов. Платонов постоянно задаёт себе вопросы: в начале романа риторические вопросы являются инструментом возвращения памяти, далее – помогают Иннокентию разобраться с собственными эмоциями и чувствами. Часто риторические вопросы заставляют читателя размышлять и искать ответ вместе с Платоновым. Риторические вопросы используются с первых до последних страниц романа примерно с одинаковой периодичностью: *«А может, это и вправду несущественно? Может, имеет значение только то, что слова были произнесены и сохранились, а уж кем и где – дело десятое?»* [Водолазкин, 2019:17]; *«В какую такую аварию мог я попасть, чтобы оказаться в противоположном конце века? Что это – игра моего повреждённого сознания?»* [Водолазкин, 2019:56-57]; *«Неужели это мои новые современники?»* [Водолазкин, 2019:84]; *«Как я выглядел в ледяном плену – как голубь? Как спящая, может быть, царица? Проступало ли сквозь лёд мое бескровное лицо и были ли у меня закрыты глаза? Или льда вовсе не было?»* [Водолазкин, 2019:111]; *«Только ведь я им чужой, что мне среди них утвердиться?»* [Водолазкин, 2019:130]; *«Как же иначе объяснить, что мне был дан ещё один шанс для жизни? Что я – если называть вещи своими именами – воскрес? Что Анастасия дождалась до поздней своей встречи со мной? Что мне встретила Настя, которую я люблю и которая любит меня? Неужели всё это – просто отдельные случаи или, более того, - случайности?»* [Водолазкин, 2019:227]; *«Он – злодей или*

инструмент справедливости? Или – и то, и другое? Как всё это объяснить Анне?» [Водолазкин, 2019:343].

Антитеза является отражением авторского отношения к конкретным эпизодам жизни Платонова. Этот приём усиливает эмоциональное воздействие на читателя. Часто антитеза используется для выражения степени трагизма жизни Иннокентия:

– Борьба за счастье вас, кажется, не особенно вдохновляет? – спрашивает меня Валентина.

– От неё, – говорю, – вообще-то, одни трагедии [Водолазкин, 2019:36]; «Было тяжело видеть, как один из пришедших взвешивал на руке отцовские серебряные часы и прикладывал их к уху. Открывал их – не тем трогательным залихватским жестом, каким это делал отец, а как-то коряво, по-обезьяньи, будто вскрывал найденный орех» [Водолазкин, 2019:121]; «Вопрос законный, потому что лагерь – ад не столько из-за телесных мучений, сколько из-за расчеловечивания многих, туда попавших. Чтобы не позволить истребить в себе остатки человеческого, нужно этот ад хоть на время покидать – хотя бы мысленно. Думать о Рае» [Водолазкин, 2019:163]; «Я лежал в жидком азоте, а она выросла, расцветала, увядала, дряхла» [Водолазкин, 2019:168]; «Как же мы сможем вместе жить, бесконечно разные? У неё весенний сад, а у меня такая бездна. Я знаю, как страшна жизнь. А она не знает» [Водолазкин, 2019:251]; «Весь этот жёсткий металл будет противопоставлен мягкости человеческого тела. Его, тела, единству» [Водолазкин, 2019:359].

Достаточно частотно употребление именительного темы. Как правило, именительный темы вводится для вовлечения читателя в воспоминание, концентрации на описываемом объекте и разграничения эпизодов прошлого. Например, *«Куоккала. Каждый день после завтрака мы с Севой носимся по пляжу. Утренние вылеты вошли у нас в обыкновение» [Водолазкин, 2019:47]; «Анастасия. Когда сотрудники ГПУ предъявили свои бумажки, она опустила в кресло. Профессор ещё что-то у них уточнял, а она уже сидела*

– неподвижно, безмолвно. Такой бледной никогда её не видел» [Водолазкин, 2019:105]; «Дача профессора Гуацинтова. Даже в крымскую жару она сохраняла прохладу. Идя с пляжа, я предвкушал, как окунуться в полумрак дачи, и он остудит моё раскаленное тело» [Водолазкин, 2019:144]; «Воронин. Вижу, что идёт Воронин с револьвером, а у меня нет сил даже пошевелиться. Да, похоже, что сейчас и застрелит» [Водолазкин, 2019:185]; «Муромцев. Костюм, туфли, а главное – манера общения, – очень всё это было несоловецким. Раз в день он осматривал меня – иногда с лечащим врачом, иногда отдельно» [Водолазкин, 2019:211].

Интерес вызывают также средства выразительности, которые использованы Водолазкиным редко. Очевидно, что это сделано осознанно, чтобы усилить эмоции от конкретных эпизодов жизни Платонова. Градация использована им единожды за весь роман. Этот приём используется в самом жутком эпизоде: «В ту лагерную ночь, когда все ушли, она пришла ко мне. Приковыляла. Приползла» [Водолазкина, 2019:256]. В этой записи Платонов вспоминает ужасное происшествие, случившееся в Соловках. Несколько представителей ГПУ изнасиловали девушку, Иннокентий же находился за стеной в больничной палате и не мог ничего сделать. Градация в данном случае максимизирует ужас и безысходность произошедшей ситуации.

Обобщённо-личные предложения используются в тексте дважды в схожих ситуациях. Такие формы Платонов использует для описания самых тёплых воспоминаний детства. Это позволяет выстроить связь с читателем, вызвать эмоцию и чувство ностальгии: «Проснёшься, бывало, на даче рано утром – все спят ещё. Чтобы никого не будить, выйдешь на цыпочках на веранду. Ступаешь осторожно, а половицы всё равно скрипят» [Водолазкин, 2019:163]; «Проснёшься случайно за полночь – первая мысль о ёлке. Пробираешься к ней в ночной рубашке. Почти на ощупь идёшь, то есть на звук скорее – чуть слышимый стеклянный перезвон на сквозняке. Босые ноги на паркете стынут. Добравшись до ёлки, начинаешь их отогревать» [Водолазкин, 2019:377]. К первому эпизоду Платонов возвращается, находясь

в Соловках. Второе всплывает в его памяти ближе к концу, когда он ожидает собственной смерти. При этом читатель становится частью этих воспоминаний.

Помимо перечисленных приёмов автор использует назывные предложения, неполные и неопределённо-личные предложения. В целом, Водолазкин активно обращается к выразительному потенциалу синтаксиса, что делает роман «Авиатор» целостным и образным произведением.

Таким образом, текст произведения Водолазкина представляется ценным с точки зрения образности и использования автором художественного потенциала русского языка. Несмотря на то, что он написан в жанре дневника, который не предполагает частое использование изобразительно-выразительных средств, их можно обнаружить практически на каждой странице. При этом важно понимать, что выбор приёмов и средств и частотность их употребления напрямую зависит от тематической и сюжетной специфики романа. Наиболее частотным и значимым с точки зрения влияния на читателя нам представляются изобразительно-выразительные средства синтаксического уровня. Лексические средства вводятся для создания общей образности и встречаются в течение всего романа. Уровень фонетики используется для детализации ощущений персонажа. Так, слова с семантикой звука побуждают читателя «услышать» происходящее в жизни Платонова.

2.4. Методические разработки по использованию текстов романа

«Авиатор» в преподавании РКИ

Роман «Авиатор» представляет ценность как материал для занятий РКИ. Мы разработали план-конспект занятия, направленный на иностранных студентов с уровнем владения русским языком В1, В2. Основу занятия составляет текст, созданный путём объединения разных фрагментов романа, которые связывает между собой одна сюжетная линия. Выбрав текст, мы адаптировали его, сделав более понятным для носителей другого языка. Важным при адаптации текста было не деформировать основную мысль приведённой сюжетной линии. С исходным текстом можно ознакомиться в Приложении А.

Данный конспект можно использовать для проведения занятий по чтению. Несмотря на присутствие других видов речевой деятельности (аудирование и говорение), чтение всё же выступает основным видом в течение всего занятия. Одной из основных концепций при создании занятия являлась методика смыслового чтения. Нам представляется оптимальной работа, при которой обучающиеся знакомятся с текстом постепенно, анализируют его, отвечают на вопросы и прогнозируют дальнейшее развитие событий. Вместе с этим большое внимание уделяется обогащению лексического запаса студентов. Другой, менее очевидной, целью занятия является знакомство иностранных обучающихся с современной русской литературой, в лице писателя и филолога Е.Г. Водолазкина.

Представляем план-конспект занятия РКИ.

Тема занятия: «Знакомство с творчеством Е.Г. Водолазкина»

Форма занятия: комбинированное

Категория обучающихся: иностранные студенты с уровнем владения русским языком не ниже В1.

Языковой материал: адаптированный текст, представляющий собой объединённые по смыслу текстовые фрагменты романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор».

Цели занятия:

- Познакомить обучающихся с личностью Е.Г. Водолазкина и его прозой;
- развить навык осознанного чтения и смыслового анализа художественного текста;
- пополнить лексический запас;
- сформировать положительную мотивацию для изучения русского языка и чтения художественных произведений на языке оригинала;
- продолжить развитие навыков аудирования и говорения.

Ход занятия

1. Организационный момент.

Деятельность преподавателя: приветствует обучающихся, проверяет отсутствующих и готовность к занятию.

Деятельность обучающихся: приветствуют преподавателя, готовятся к занятиям.

2. Знакомство с автором, аудирование.

Деятельность преподавателя: объясняет обучающимся задание, включает видеоролик. Видеоролик представляет собой вырезанные фрагменты из передачи Вечерний Ургант, гостем которой стал Е.Г. Водолазкин. Видеофрагмент длится 2 минуты, 5 секунд.

Деятельность обучающихся: смотрят видеоролик и выполняют задание.

Информация для справки. «Вечерний Ургант» – популярное телешоу, которое идёт по первому каналу. Ведущий программы, Иван Ургант, приглашает в гости популярных людей и берёт у них интервью. Шоу является развлекательным.

Задание 1. Прочитайте следующие слова и объясните их значение:

Частушка –

Стажировка –

Пафос –

Задание 2. Посмотрите видео и ответьте на вопросы.

- 1) Как называется новая книга Е.Г. Водолазкина?
а) Авиатор б) Лавр в) *Оправдание острова* г) Брисбен
- 2) Почему ведущий начинает заикаться?
- 3) Кто является учителем Водолазкина?
а) Д.С. Лихачев б) В.В. Виноградов в) Н.М. Шанский г) Д.Э. Розенталь
- 4) Кто такой Евгений Германович Водолазкин?
- 5) Как называли Д.С. Лихачева?
а) Сокровище нации б) *Совесть нации* в) Душа нации г) Солнце нации
- 6) Что такое Пушкинский дом?

3. Работа с текстом.

Деятельность преподавателя: знакомит обучающихся с фрагментами изучаемого текста, помогает выполнять задания, модерировать беседу о прочитанном тексте.

Деятельность обучающихся: читают текст, выполняют задания, активно участвуют в беседе.

Информация для справки. Роман «Авиатор» – известное произведение, написанное Водолазкинским. Он рассказывает об Иннокентии Платонове, который, очнувшись в больнице, не помнит ничего о своем прошлом. Позже выясняется, что он был участником эксперимента и подвергся заморозке. Выбранный для изучения текст рассказывает историю отношений Платонова со своим кузеном, Севой. В детстве они дружили, а во взрослом возрасте Сева предаёт Иннокентия, отправляя его в самое жестокое место лагеря Соловки. Текст хорошо подходит для прогнозирования, а также затрагивает темы дружбы и предательства.

Задание 1. Прочитайте слова и словосочетания. Дайте их определение.

Значение каких слов вы не понимаете?

Финский залив –

Воздушный змей –

У кромки воды –

Авиатор –

Ужи –

Знать как облупленного –

Тиран –

Заклученные –

Рота –

Лагерь особого назначения –

Для преподавателя. **Финский залив** – залив, который находится на востоке Балтийского моря. В тексте романа описывается та часть Финского залива, которая находится вблизи Санкт-Петербурга. **Воздушный змей** – это первый в мире летательный аппарат. Он представляет собой фигуру, которая летит в воздухе, а верёвка остаётся в руках человека, который его запускает. В тексте романа мальчики играют с воздушным змеем и запускают его в воздух. **Кромка воды** – граница между песком и водой. **Авиатор** – то же самое, что пилот. Слово «авиатор» является устаревшим. Оно используется в романе, так как действие происходит в начале 20 века. **Ужи** – маленькие неядовитые змеи. **Знать как облупленного** – знать кого-то или что-то очень хорошо. Возникло из выражения «как облупленное яйцо», в котором слово «облупленный» означает очищенный от скорлупы. **Тиран** – это жестокий правитель, который держит власть при помощи насилия. Словом «тиран» можно назвать очень жестокого человека. **Заклученные** – преступники, которых арестовали. **Рота (в контексте романа)** – несколько заключенных, которые живут в одном поселении в месте заключения. **Лагерь особого назначения** – исправительно-трудовой лагерь, куда отправляли осуждённых (преступников). Схоже со словом «тюрьма».

Задание 2. Прочитайте первый фрагмент текста и ответьте на вопросы.

Мы с кузеном Севой на Финском заливе. Сева – сын брата моей матери. В детстве я думал, что это сложное объяснение. Слово кузен легче, но мне нравится называть его просто Севой.

Мы с ним запускаем воздушного змея. Мы бежим по вечернему пляжу у самой кромки воды. Иногда мы задеваем воду босыми ступнями, и брызги сверкают в заходящем солнце. Воображаем, что мы авиаторы. Мы совершаем полёт вместе: я сижу на переднем сиденье, а Сева – на заднем. В небе очень холодно и одиноко, но наша дружба нас согревает.

- 1) Кем приходится Сева главному герою? (Кузеном)
- 2) Кто такой кузен? (Сын брата матери)
- 3) Почему при запуске воздушного змея мальчики представляют себя авиаторами? (Они управляют воздушным змеем, и это напоминает то, как пилот управляет самолётом).
- 4) В какое время суток происходит действие? С помощью каких слов мы это понимаем? (Вечерний пляж, заходящее солнце).
- 5) С помощью каких слов мы понимаем, как герои относятся друг к другу? (Дружба их согревает).
- 6) Как вы думаете, как в будущем будут развиваться отношения героев?

Задание 3. Прочитайте второй фрагмент текста и ответьте на вопросы.

Мы с Севой ровесники, но почему-то он считается младшим. Есть люди, которых такое положение устраивает и не обижает, но Сева хотел бы быть наравне или даже стать старшим, однако не мог из-за своего характера.

Сева был труслив. Даже не труслив (ведь нехорошо так говорить), а несмел. Он боится незнакомцев, силуэтов в окне, пчёл, лягушек, ужей. Я пытаюсь ему объяснить, что ужи не ядовиты. После этого беру ужа в руки и хочу передать Севе, но он сразу бледнеет, а его губы начинают дрожать. Мне становится жаль Севу, поэтому я отпускаю ужа.

- 1) Есть ли разница в возрасте между главным героем и Севой? (Нет, они ровесники).
- 2) Как мы понимаем, что Севе не нравится занимать позицию младшего? (Хотел бы быть наравне или старше, но был слишком труслив).

3) Почему главный герой решает использовать слово несмелый, а не трусливый? («Трусливый» может оскорбить человека, а «несмелый» является нейтральным).

4) Кого боится Сева? (Незнакомцев, силуэтов в окне, пчёл, лягушек и ужей).

5) Почему не стоит бояться ужей? (Они не ядовитые).

6) Почему герою становится жаль Севу? (Он бледнеет, а губы начинают дрожать, это является признаком сильного страха).

7) Как вы относитесь к Севе? Какие эмоции он у вас вызывает? Вы бы хотели иметь такого друга?

Задание 4. Прочитайте третий фрагмент текста и ответьте на вопросы.

(Спустя несколько лет)

Мы идём с Севой по улице. Я думаю, что он слабый и поэтому злится на меня, ведь я знаю его как облупленного. Он выбирает для общения людей, которые кажутся ему сильными в надежде, что они поделятся с ним частью силы. Мы оба знаем, что сильные люди не делятся силой. В этот момент я подумал, что если Сева станет тираном, то первым уничтожит меня.

1) Почему Сева злится на главного героя? (Главный герой знает, что на самом деле Сева – слабый, и Севу злит это знание).

2) Почему Сева выбирает для общения сильных людей? (Он ожидает, что при общении с ними тоже сможет получить силу и перестанет быть слабым).

3) Что именно натолкнуло главного героя на мысль, что Сева уничтожил бы его, если бы была такая возможность? (Сева всегда завидовал силе главного героя, его главенствующей позиции в их отношениях).

4) Как вы считаете, чем закончится история их дружбы?

Задание 5. Прочитайте финальный фрагмент текста и ответьте на вопросы.

(Спустя ещё несколько лет)

Заклученные уже три часа ждали начальника, который решит нашу судьбу. Когда он вошёл, я понял, что это Сева. Он боится, потому что я преступник и его родственник, а родство с преступником может помешать его карьере. Спустя двенадцать часов после нашей встречи появилось особое Севино

распоряжение. Согласно распоряжению меня отправляли в 13-ю роту Соловецкого лагеря особого назначения. Это было одно из самых жестоких мест в стране. Хотел ли Сева меня уничтожить? Не знаю.

- 1) Кто оказался начальником, а кто заключенным? (Главный герой – заключенный, а Сева – начальник)
- 2) Почему Сева начал бояться, когда увидел главного героя? (Потому что они родственники, и, если бы это выяснилось, его могли уволить или даже арестовать).
- 3) Куда отправили главного героя по указанию Севы? (В самое жестокое место лагеря особого назначения Соловки).
- 4) Как вы считаете, главный герой действительно совершил преступление, в котором его обвинили?
- 5) Какие черты характера Севы заставили его предать главного героя? (Трусость и слабость, он думал только о собственном благополучии).
- 6) Как вы относитесь к Севе? Как вы считаете, он заслуживает прощения главного героя?

Задание 6. Теперь, когда вы прочитали весь текст, подумайте, как его можно озаглавить.

Информация для преподавателя. Спрашивать следует всех студентов, чтобы они объяснили свой выбор заглавия.

4. Домашнее задание.

Деятельность преподавателя: объяснить домашнее задание, убедиться, что каждый обучающийся понял задание верно.

Деятельность обучающихся: записать домашнее задание.

Домашнее задание – написать текст из 8-10 предложений о своём настоящем друге и о вашей дружбе.

5. Рефлексия.

Деятельность преподавателя: узнать мнение обучающихся относительно прошедшего занятия.

Деятельность обучающихся: рассказать свои впечатления от занятия.

Вопросы для рефлексии:

- 1) Что показалось наиболее сложным?
- 2) Какое задание вы бы изменили? Почему?
- 3) Какой фрагмент занятия запомнился больше остальных?
- 4) Какие выводы вы сделали после чтения текста?
- 5) Хотели бы вы и дальше знакомиться с творчеством Е.Г. Водолазкина?

Разработанный план-конспект занятия РКИ является одним вариантом использования текста романа «Авиатор» в обучающих целях. Такая технология эффективна, поскольку позволяет глубоко понять текст, а также развить коммуникативную компетенцию, а именно умение вести дискуссию, высказывать и отстаивать собственное мнение. При проведении такого занятия очень важно показывать текст частями, чтобы обучающиеся обращали внимание на детали и могли их использовать при прогнозировании дальнейших событий. Вопросы, которые были приведены после каждого фрагмента, могут быть изменены или дополнены в соответствии со спецификой конкретной учебной группой. Преподавателю следует поощрять активное обсуждение текста.

Текст романа «Авиатор» богат на языковой материал, который может быть использован в качестве обучающего. Так, возможно использовать воспоминания Платонова о детстве и юношестве в Петербурге в начале 20 века. Это позволит иностранным обучающимся лучше понять историю и культуру нашей страны. Для более продвинутого уровня возможно использование отрывков, которые описывают пребывание Платонова в Соловках. Однако необходимо учитывать, что для полного понимания специфики лагерной жизни, обучающиеся должны обладать знаниями истории СССР. Также стоит обратить внимание на изображение эпохи 90-ых посредством высмеивания телевидения и рекламных роликов. Эти фрагменты тоже могут стать материалом изучения на занятиях РКИ.

Выводы по 2 главе

Изучение творчества Е.Г. Водолазкина представляет особый интерес в связи с особенностями его биографии. Будучи доктором филологических наук, писатель мастерски управляет словом и использует профессиональные знания и умения для написания образного текста. Проза Водолазкина представляется разнообразной и затрагивающей разные темы. Однако некоторые приёмы и сюжетные ходы отличают большую часть его книг. Например, игра с категорией времени свойственна практически всем романам автора. Также зачастую он подчёркивает силу искусства, при этом не отделяя искусство писательства от музыкального или художественного искусства.

Роман «Авиатор» представляет собой художественный текст, написанный в форме дневника. Отдельного внимания достойно тематическое разнообразие романа: он затрагивает вопросы религии и науки, справедливости, раскаяния и возмездия, одиночества, места истории в жизни человека. Каждое из этих тематических направлений сплетается в одно ближе к развязке романа. При том, что финал романа можно назвать открытым, читатель получает ответы на основные вопросы.

Текст произведения богат на изобразительно-выразительные средства. В основном, они используются на лексическом и синтаксическом уровнях. При этом лексический уровень служит для повышения общей образности романа, а синтаксический подробно раскрывает особенности персонажей, событий и воспоминаний.

Другим достоинством романа «Авиатор» является возможность использовать его как материал для занятий РКИ. Язык и стиль романа доступны для понимания иностранными обучающимися, хотя некоторые эпизоды всё же требуют минимальной адаптации.

Заключение

Традиционно исследования учёных связаны с изучением особенностей художественного текста, анализом его категорий и свойств. Особый интерес эта тема вызывает в контексте современной русской литературы. Принято считать, что образность языка и профессионализм в написании художественных текстов современных русских писателей значительно уступает представителям классической русской литературы. Е.Г. Водолазкин – один из ярких представителей современности, поэтому изучение его романа «Авиатор» представилось нам ценным для понимания его отношения к изобразительно-выразительным средствам языка.

Другим вопросом, который представлялся важным при проведении исследования, была возможность использования текста романа «Авиатор» как учебного материала для занятий РКИ.

В ходе исследования нами были реализованы поставленные задачи. Анализ научной литературы позволил определить понятие «национальный язык», а изучение национального состава страны помогло сделать вывод о важности изучения национального языка страны представителями национальных меньшинств, поскольку в нашей стране русский язык является основным языком функционирования всех областей общественной деятельности. Изучение научных исследований привело нас к выводу о многообразии существующих изобразительно-выразительных средств. До сих пор не существует единой классификации средств выразительности, в связи с чем нами для последующего анализа художественного произведения была выбрана следующая классификация: фонетические, лексические и синтаксические изобразительно-выразительные средства. Систематизация информации об адаптации художественного текста привела нас к выводу о сохранении баланса в процессе его адаптации. С одной стороны, важно сохранить специфику авторского стиля, с другой, упростить синтаксические конструкции и заменить особенно тяжёлую для восприятия лексику. Ключевой целью адаптации художественного текста является максимальное

увеличение его эффективности как средства обучения иностранных обучающихся русскому языку.

В рамках практической работы нами были исследованы биографические основы жизни и творчества Е.Г. Водолазкина, а также отличительные черты его прозы. Нами был сделан вывод о большом влиянии на творчество писателя его филологического образования и обучения у Д.С. Лихачёва. В частности, научный интерес Водолазкина к категории времени и его отражение в большей части произведений является следствием научной деятельности Лихачёва в этом вопросе.

В процессе анализа романа «Авиатор» мы выделили высокую степень образности произведения и большое тематическое разнообразие. Нами были выделены фонетические, лексические и синтаксические изобразительно-выразительные средства. Наименее частотным стало использование фонетических средств, что связано с особенностями дневникового жанра, в котором написан роман. Лексические средства распространены и встречаются на протяжении всего романа, однако не имеют решающего значения в его осознании. Синтаксические средства используются примерно так же часто, как лексические, и очень важны для полного понимания образа персонажей, особенностей эпох и раскрытия основных сюжетных линий романа.

Посредством использования фрагментов текста произведения «Авиатор» нами был разработан план-конспект занятия РКИ для обучающихся, уровень владения русским языком которых не ниже, чем В1. Текст был минимально адаптирован для более эффективного понимания обучающимися его основной мысли. Основой разработки плана-конспекта стала методика смыслового чтения, которая предполагает поэтапное прочтение текста, изучение деталей и прогнозирование последующих событий. Данная разработка не представляется нам единственным возможным вариантом использования текста романа для учебных занятий РКИ. Интерес представляют и другие эпизоды романа.

Практическая значимость проведенного исследования состоит, во-первых, в том, что материалы анализа текста на предмет изобразительно-выразительных средств могут стать основой для последующих исследований как текста романа «Авиатор», так и текстов других произведений Е.Г. Водолазкина, а также их сопоставления между собой. Представляется возможным расширение исследования тематического разнообразия романа. Разработанный нами план-конспект занятия может использоваться в рамках дисциплины «Чтение» для иностранных обучающихся. Более того, материалы исследования могут стать основой для разработки большего количества занятий по РКИ с использованием текстов романа «Авиатор».

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
2. Geoffrey Leech *Short Style in Fiction* Second edition Pearson Longman, 2007. – 405с.
3. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1968 + 1984. — 383 с.
4. Адигезалова И.В. Текст как средство обучения русскому языку как иностранному / И.В. Адигезалова, Н.В. Миненкова, Е.А. Ядрихинская // Научный поиск. 2013. № 4. С. 63-65.
5. Арнольд И. В. *Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов* / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
6. Береговская, Э.М. По дороге от тропов к фигурам: реконсилия и каламбреден Текст / Э.М. Береговская // Риторика-Лингвистика. – Вып. 4 – Смоленск : Смоленский государственный педагогический институт, 2003 – С. 111–120.
7. Березовская Я. Л., Шарафутдинова О. И. *Русский язык как иностранный: Чтение: учебное пособие.* – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – 135 с.
8. Бернацкая, А.А. Прием перечисления в стилистике и риторике Текст / А.А. Бернацкая // Риторика и синтаксические структуры. – Красноярск:
9. Бобкова Т.А. *Художественное произведение в контексте межкультурной коммуникации* / Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2. С. 471-475.

10. Богданова Е.В. Языковые особенности жанра дневника // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 28-33
11. Васильева А.Н. Русская художественная литература в иностранной аудитории как предмет изучения и как материал по обучению языку / А.Н. Васильева. – М.: МАПРЯЛ, 1972 – 29 с.
12. Виноградов В.В., Языки народов СССР. В пяти томах. – М.: Наука, 1966. –Т.1 658 с.
13. Водолазкин Е.Г. Авиатор. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. – 410 с.
14. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
15. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. 1996. – 350 с.
16. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. – 233 с.
17. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. О литературном герое. Издательство Азбука, 2016. – 704 с.
18. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Занимательная стилистика / И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь. М.: Просвещение. – 2013. – 207 с.
19. Горький М.А. О том, как я учился писать. – М.: Гослитиздат, 1953. – 334 с.
20. Григорьев В.П. Поэт и слово / В.П. Григорьев. М.: Наука, 1973. – 159 с.
21. Гудков Д.Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. Вып. 1. – 192 с.
22. Джанхотова З.Х., Абазова Л.М., Гутаева Ж.Ж. Предупреждение конфликта культур и эстетической интерференции при изучении художественного текста на занятиях по русскому языку как иностранному // МНИЖ. 2016. №8-5 (50). URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-konflikta-kultur-i-esteticheskoy-interferentsii-pri-izuchenii-hudozhestvennogo-teksta-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku> (дата обращения: 17.05.2021)
23. Джури́нский А.Н. Поликультурное воспитание в современном мире / А.Н. Джури́нский. М.: Прометей, 2002. – 71 с.
24. Евтушенко, С. Я. Текст как объект изучения (в аспекте русского языка как иностранного) / С. Я. Евтушенко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 16 (96). – С. 478-481.
25. Еремина Елена Анатольевна «Грамматика» словесного образа в обучении иностранцев восприятию русского художественного текста // Rhema. Рема. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammatika-slovesnogo-obraza-v-obuchenii-inostrantsev-vospriyatuyu-russkogo-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 06.05.2021)
26. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
27. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982. – 160 с.
28. Жирмунский В.К. К вопросу об эпитете // Поэтика. Хрестоматия по вопросам литературоведения для слушателей университета. М., 1992. – с. 52-60.
29. Жулькова К.А. Категория времени в романах Е.Г. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал, 2018. – № 3. – С. 191-199.
30. Журавлёва, Л.С. Обучение чтению (на материале художественных текстов) / Л.С. Журавлёва, М.Д. Зиновьева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1988. – 152 с.
31. Калдыбекова Ж.А. Художественное время в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Наука и современность, 2015. – № 37-1. – С. 103-107.

32. Корольков В.И. К теории фигур. Сборник научных трудов МГПИИЯ. – М., 1974. – 130 с.
33. Костин Алексей Валерьевич, Антипина Елена Сергеевна, Сапожникова Ольга Валерьевна Лингвокультурологическая интерпретация художественного текста в иностранной аудитории // МИРС. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-interpretatsiya-hudozhestvennogo-teksta-v-inostrannoy-auditorii> (дата обращения: 06.05.2021)
Красноярский государственный университет, 1988 – С. 98–100.
34. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социалингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
35. Крысько В.Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность / В.Б. Крысько. – Москва: Азбуковник, 2006. – 488 с.
36. Кузнецова Аю Лингвострановедческая работа над художественным текстом в аудитории филологов-иностранцев продвинутого этапа обучения // Полилингвильность и транскультурные практики. 2007. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostranovedcheskaya-rabota-nad-hudozhestvennym-tekstom-v-auditorii-filologov-inostrantsev-prodvinutogo-etapa-obucheniya> (дата обращения: 17.05.2021).
37. Куулар А.Т. К истории изучения изобразительно-выразительных средств в зарубежной и отечественной лингвистике // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2021. №1 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-izucheniya-izobrazitelno-vyrazitelnyh-sredstv-v-zarubezhnoy-i-otechestvennoy-lingvistike> (дата обращения: 02.05.2021)

38. Левушкина О. Н. Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика: Дис. д-ра пед. наук. М., 2014.
39. Лихачёв Д.С. Поэтика художественного времени. Поэтика художественного пространства // Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979. – С. 209-351.
40. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – 285 с.
41. Мартынова М. Ю. Поликультурное пространство России и проблемы образования // Этнографическое обозрение. – 2004. – №. 1. – С. 37-51.
42. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. Пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2007. – 208 с.
43. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 248 с.
44. Новикова, Н.С. Удивительные истории. 116 текстов для чтения, изучения и развлечения: учеб. пособие/ Н.С. Новикова, О.М. Щербакова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 368 с.
45. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М. Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. с. 276
46. Пахнова Т.М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей среды // Русский язык в школе. 2000. №4. С.3-11.
47. Пекарская И.В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2017. №21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschestvuyuschih-tipologiyah-stilisticheskikh-figur-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 02.05.2021)
48. Пекарская, И. В. Эффективная контаминация: элокутивное воздействие речи. В 2-х частях. Ч 1: монография / И. В. Пекарская. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова», 2014. – 300 с.

49. Первухина Валерия Алексеевна Система изобразительно-выразительных средств в романе Е. И. Замятина «Мы» // Символ науки. 2015. №11-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-izobrazitelno-vyrazitelnyh-sredstv-v-romane-e-i-zamyatina-my> (дата обращения: 06.05.2021)
50. Петрулевич И.А., Месропян Л.М. Современная языковая политика Российской Федерации: основные векторы и тенденции развития // Гуманитарий Юга России. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-yazykovaya-politika-rossiyskoj-federatsii-osnovnye-vektory-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 30.04.2021)
51. Потебня А.А. Историческая поэтика / А.А. Потебня. М.: Высшая школа, 1990. – 380 с.
52. Райская Л.М. Лекции по русскому языку и культуре речи / Л.М. Райская. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009 – 148 с.
53. Рачковская, А. В. Художественный текст на занятиях по РКИ: критерии отбора и характер адаптации / А. В. Рачковская // Этнокультурный и социолингвистический аспекты теории и практики преподавания языков. – Минск : БНТУ, 2015. - С. 121 - 131.
54. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – 10-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 448 с.
55. Серебренников, Б.А., Общее языкознание формы существования, функции, история языка, М. Наука, 1970. – 334 с.
56. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка. М.: АСТ, 2000. – 218 с.
57. Солдаткина Янина Викторовна Мотивы прозы А. П. Платонова в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» // Rhema. Рема. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-prozy-a-p-platonova-v-romane-e-g-vodolazkina-aviator> (дата обращения: 17.05.2021)

58. Стурикова М.В. Использование художественных текстов русских поэтов на занятиях с инофонами // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/10/58471> (дата обращения: 26.04.2021)
59. Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний / Н.Ф. Талызина. М.: МГУ, 1975. – 237с.
60. Толстухина И. И. Подготовка к восприятию русского поэтического произведения студентами-иностранцами // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-k-vozpriyatuyu-russkogo-poeticheskogo-proizvedeniya-studentami-inostrantsami> (дата обращения: 06.05.2021)
61. Шанский Н.М. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов В 3 ч. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 192 с.
62. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М.: Высш. Шк. 1978. – 216 с.
63. Шигина С.Ю. Тропы и фигуры как изобразительно-выразительные средства языка (об учебно-методическом пособии к спецкурсу) // Записки Горного института. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tropy-i-figury-kak-izobrazitelno-vyrazitelnye-sredstva-yazyka-ob-uchebno-metodicheskom-posobii-k-spetskursu> (дата обращения: 02.05.2021).
64. Шхумишхова Асият Руслановна Языковая ситуация и языковая политика в современном поликультурном обществе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. №2 (140). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-v-sovremennom-polikulturnom-obschestve> (дата обращения: 20.04.2021)

65. Яковлева, С.И. Организация лингвострановедческой работы над художественным произведением на занятиях по русскому языку со студентами-иностранцами / С.И. Яковлева // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. 1998. – N1. – С.101-110.
66. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Исходный текст

Мы с кузенком Севой на Финском заливе. Сева – сын брата моей матери: в детстве это объяснение родства для меня звучало ужас как сложно. Я и сейчас произношу это не без сбоев. Кузен – уже, конечно, полегче, но лучше всего – Сева.

Мы с ним запускаем воздушного змея. Бежим по вечернему пляжу у самой кромки воды. Иногда задеваем воду босыми ступнями, и брызги сверкают в заходящем солнце. Воображаем себя авиаторами. Летим вдвоём: на переднем сиденье я, на заднем Сева. Там, в холодном небе, пустынно и одиноко, но нас согревает наша дружба.

Сева со мной одного возраста, но в наших отношениях почему-то считается младшим. Есть, конечно, люди, которых подчинённое положение не обижает, они к нему стремятся и принимают как естественное свое место в жизни. Не таков Сева – он от подчинённого положения страдает, но другого занять не может.

Вот Сева, например, труслив. Ну, не труслив – нехорошо так говорить, – несмел. Боится незнакомых, силуэтов в окне, пчёл, лягушек, ужей. Я говорю ему, что ужи не ядовиты, беру уже пальцами чуть пониже головы и хочу передать Севе, но кузен мой сразу бледнеет, и губы его дрожат. Мне становится жаль Севу. Я выпускаю уже, и тот уползает по дорожке [Водолазкин, 2019:47-48].

(Спустя несколько лет)

А Сева, думаю я, шагая рядом с ним, – слабый. И злится на меня от своей слабости, потому что я знаю его как облупленного. Он примыкает к тем, кто ему кажется сильным, и надеется, что они отдадут ему часть своей силы. Ничего они ему не отдадут. На мгновение мне приходит в голову, что если бы Сева стал тираном, то первым уничтожил бы меня [Водолазкин, 2019:160].

(Спустя ещё несколько лет)

Мы, з/к, стояли третий час в строю и ожидали начальника, который решит нашу судьбу. Начальник появился, и им был Сева. Он, несомненно, думает о том, что родство со мной его скомпрометирует. Особое Севино распоряжение появилось через двенадцать часов. Меня отправляли в 13-ю роту Соловецкого лагеря особого назначения. Это было одно из самых жестоких мест на Соловках. Ставил ли Сева своей целью меня уничтожить? Не знаю [Водолазкин, 2019:260].